

И. Ф. Крылов

**„НЕМЫЕ
СВИДЕТЕЛИ“
ПРЕСТУП-
ЛЕНИЯ**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

И. Ф. КРЫЛОВ

„НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ“ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

(РАССКАЗЫ КРИМИНАЛИСТА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1965

Собранный в книге научный материал знакомит читателей с той большой ролью, которую играют в раскрытии преступлений так называемые «немые свидетели», т. е. вещественные доказательства и следы, которые неизбежно оставляет преступник на месте преступления. В брошюре рассказывается также о мастерстве следователей и экспертов и о том, как наука служит раскрытию преступлений. Рассказы не выдуманы, а построены на конкретном фактическом материале судебной и следственной практики и иллюстрированы фотографиями.

Одна из целей брошюры — разъяснить читателям, какую помощь они могут оказать органам следствия, если, оказавшись случайно на месте преступления, сумеют сохранить в пригодном для научных исследований виде «немых свидетелей» этого преступления.

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей.

С первых дней существования нашего государства советский народ ведет решительную борьбу с правонарушениями. Преступность в СССР значительно снизилась, но полностью искоренить ее пока не удалось. Это произойдет тем быстрее, чем активнее в борьбе с преступностью будут участвовать трудящиеся.

Указывая на это условие, В. И. Ленин писал: «Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество *массы* рабочих и крестьян в учете и контроле... *за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами* может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества...»¹

Наиболее опасные преступления чаще всего совершаются втайне от людей. Опытные преступники стараются избавиться от свидетелей, которые могли бы изобличить их. Поступая таким образом, они рассчитывают на безнаказанность, на то, что преступление останется нераскрытым. Однако подобные расчеты не оправдываются. Преступления, совершаемые без свидетелей, действительно раскрываются труднее, но, кроме живых свидетелей, существуют еще и «немые свидетели» преступлений. Так образно можно назвать следы и всевозможные вещественные доказательства, которые служат средствами обнаружения преступления и изобличения преступников. Исчерпывающий перечень подобных доказательств составить невозможно. В одном случае таким доказатель-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 200.

ством оказывается орудие преступления, обнаруженное на месте происшествия, а в другом — ничтожная соринка, капля крови; брошенный окурок или другой незначительный предмет.

Впервые в русской литературе с научно-популярными очерками и рассказами, посвященными «немым свидетелям» преступлений, выступил в 1908 г. проф. Н. Д. Сергиевский. Он писал: «Вещественные доказательства — эти „немые свидетели“ — говорят очень много, но только тому, кто умеет с ними разговаривать, кто понимает их немую речь. Один и тот же материал вещественных доказательств в руках умелого следователя дает ясную картину события, а в руках другого — не дает ровно ничего.

Тут нужны не столько ученые сочинения, не диссертации и философские трактаты, сколько популярные очерки, одинаково понятные как образованному юристу, так и простому человеку».

При расследовании преступлений «мелочей» не бывает. Никогда нельзя заранее сказать, что именно в данном случае послужит ключом к раскрытию преступления и изболочению преступника, но чаще всего этот ключ можно найти на месте преступления. Поэтому важно, чтобы ни одна «мелочь» на месте происшествия не пропала, чтобы каждая из них сохранилась в пригодном для исследования виде.

Однако обнаружение «немых свидетелей» — это не конец, а лишь начало кропотливой работы с ними. В прошлом их также находили, но редко могли использовать, потому что не умели понять их немую речь. В наше время это научились делать. Современные достижения физики, химии, биологии и других естественных наук позволяют ученым открывать такие свойства и признаки вещественных доказательств, которые ранее оставались для органов расследования неизвестными.

Материальные следы, оставленные преступником и преступлением, первыми в большинстве случаев обнаруживают не представители органов расследования, а рядовые советские граждане, оказавшиеся случайными свидетелями совершенного преступления. Поэтому именно от них зависит сохранение следов и обстановки происшествия в неприкосновенном виде до прибытия следователя. Чем лучше это будет выполнено, тем больше возможностей раскрыть преступление.

В своей практической деятельности работники советских органов дознания и следствия руководствуются указанием В. И. Ленина, который писал: «Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым». ¹

Раскрываемость наиболее тяжких преступлений приближается в СССР к 100%. Но все же бывают еще случаи, когда по тем или иным причинам отдельные преступления остаются нераскрытыми. Таких случаев совсем немного, но их не должно быть ни одного.

Эту задачу советские органы расследования решат тем быстрее, чем шире будет помощь, оказываемая им наукой и народом.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 412.

СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАБЫТЫХ ДЕЛ

«Немые свидетели» преступлений существуют с тех пор, как появились сами преступления, но понимать их немую речь научились сравнительно недавно. Хранимые ими тайны преступлений обычно оставались в прошлом для органов расследования недоступными. Лишь изредка в руках опытных следователей и ученых «немые свидетели» открывали свои тайны. В этих случаях с их помощью удавалось раскрыть сложные преступления, изобличить самых хитрых и опасных преступников. Описанные ниже случаи из судебной практики представляют особый интерес. Они в свое время привлекли всеобщее внимание.

В Киеве в 1890 г. произошли одно за другим два убийства, сильно взволновавшие жителей города. Сначала был убит мелочной торговец табаком Мельниченко. Более месяца шли безрезультатные поиски убийцы. В это время произошло второе убийство. Жертвой преступления снова оказался торговец вразнос Кутузов. Скорее всего и на этот раз преступники остались бы не обнаруженными, если бы не одна деталь, изобличившая их. Трупы своих жертв убийцы упаковывали в мешки и отвозили на малоллюдные киевские улицы, где оставляли их незаметно для прохожих. При осмотре мешка, в котором были упакованы части трупа Кутузова, следователь заметил ничтожной величины роговую стружку. Ну что, казалось бы, особенного в этой крохотной стружке? Какое значение она имеет? Однако именно эта находка и послужила клю-

чом к раскрытию преступления. Рассматривая роговую стружку, следователь решил выяснить — как она попала в мешок. Может быть, преступник имеет какое-то отношение к производству, связанному с роговой стружкой? Начатые в этом направлении поиски привели к мастерской роговых гребней, принадлежавшей некоему Черепову. Обыски, произведенные в мастерской, дали в руки следственных органов важные улики. Были обнаружены вещи, принадлежавшие убитым. Взглянув на них, Черепов, не дожидаясь вопросов следователя, заявил: «Мой грех». Дальнейшее расследование установило, что в обоих убийствах совместно с Череповым принимал участие его сын.

Второй случай произошел в предреволюционные годы в Петербурге. В одном из домов в Лештуковом переулке было совершено убийство. Труп убитого оказался обезглавленным и обезображенным до неузнаваемости. Близ кровати, на которой лежал труп, находилось аккуратно сложенное платье, рядом стояли ботинки. Осмотр платья показал, что оно было сшито у одного из лучших московских портных, ботинки же оказались простой рыночной работы. Кем и где шилось платье, удалось установить благодаря обнаруженному под подкладкой пиджака кусочку холста с меткой портного. Резкое несоответствие качества предметов заставило предположить одно из двух: либо платье, либо ботинки не принадлежали убитому, а были оставлены с какой-то целью убийцей. Но при примерке ботинки точно пришлись по ногам трупа, а все размеры платья настолько подходили к телу убитого, что казалось, оно только на него и сшито.

Неискушенный человек после этого, пожалуй, отбросил бы возникшее сомнение, на что преступник и рассчитывал. Произошло же наоборот. Сомнение превратилось теперь в уверенность. Преступник упустил из виду, что после смерти отдельные члены тела и все тело вытягиваются вследствие расслабления мышц. По этой причине платье, сшитое по мерке, всегда окажется на трупе короче. Но этой уверенности суждено было пройти еще одно испытание. Некий Константин Гилевич опознал в обезображенном трупе своего брата, инженера Андрея Гилевича. По утверждению К. Гилевича, найденные на месте преступления платье и ботинки принадлежали убитому.

Преступление, может быть, так и осталось бы нераскрытым, если бы не помогла «мелочь». При осмотре ботинок на подошве одного из них обнаружили прилепившийся кусочек воска, а также приставшую к воску красную ворсинку. Это незначительное само по себе обстоятельство и сыграло решающую роль в раскрытии преступления.

Ворсинка свидетельствовала о том, что человек, носивший ботинки, очевидно, пользовался и галошами. Внутри галош в те годы часто укреплялись металлические буквы, обозначавшие инициалы владельца. Если такие буквы имелись в галошах, которые носил владелец ботинок, могло оказаться, что они оставили на каблуках хотя бы слабый оттиск или отпечаток. Набойки на каблуках исследовали с помощью сильных увеличительных средств и обнаружили на них слабо видимые металлические отблески отпечатка буквы П. Этого уже оказалось достаточно для того, чтобы установить действительную личность убитого. Им оказался Павел Подлущий, а убийцей — Андрей Гилевич.

Невольно напрашивается вопрос: чем же объяснялась ошибка К. Гилевича, опознавшего в убитом своего брата? Но это «опознание» вовсе не было ошибкой. Оно на самом деле служило эпизодом хитро задуманного и последовательно осуществленного преступления. Сущность его сводилась к следующему. Андрей Гилевич застраховал свою жизнь на очень крупную сумму. После его смерти страховое вознаграждение должен был получить Константин Гилевич. С целью мошеннического получения денег А. Гилевич пошел на убийство своего товарища Подлущкого. Труп его он умышленно обезобразил до неузнаваемости, а сам скрылся за границу. Теперь оставалось убедить всех в том, что А. Гилевич пал «жертвой преступления». Поэтому появился К. Гилевич и решительно «опознал» труп своего «погибшего» брата. Преступникам казалось, что все предусмотрено и сотысячная премия скоро окажется в их руках. Этому помешали «немые свидетели», разоблачившие преступников.

Третье уголовное преступление, по характеру и по способу раскрытия близкое к первому описанному делу, относится уже к советскому времени.

В начале двадцатых годов на пустынных московских улицах часто стали находить трупы, упакованные в меш-

a

b

Рис. 1. Фотографии студента Подлущого (a) и его обезображенной головы (б).

ки. Все они были одинаковым образом связаны: руки отведены назад, а ноги притянуты к животу. Раздробленная голова обмотана тряпками, на шее всегда имелись следы веревочной петли. Все это говорило о том, что эти преступления скорее всего совершает одно и то же лицо. Но кто именно? Нужно было как можно быстрее его найти. Однако сделать это удалось не сразу. Преступник был очень ловок и осторожен. Найти же его помогло одно, казалось бы, незначительное обстоятельство: в нескольких мешках, в которые были упакованы трупы, работники московского угрозыска обнаружили овсяные зерна. Их, естественно, заинтересовало происхождение этой находки. Она могла быть простой случайностью, но могла и свидетельствовать о том, что убийца торгует овсом, занимается извозчичьим промыслом и т. п. Началось тщательное расследование всех версий, которые были построены на этом факте. Одна из них и привела к цели — убийца был открыт. Им оказался извозчик Комаров-Петров. Жертвы своих преступлений он выискивал на конном базаре из числа крестьян, приехавших покупать лошадей. Заманив покупателя под предлогом осмотра продающейся лошади к себе домой, Комаров усаживал его за накрытый стол и предлагал «закусить». Затем подходил к сидевшему человеку сбоку и наносил ему два ошеломляющих удара тяжелым молотком в переносицу или в висок. Не ограничиваясь этим, Комаров набрасывал на шею жертвы веревочную петлю и туго затягивал ее, уменьшая таким образом кровотечение и устраняя всякое сомнение в том, что жертва осталась жива. Убедившись в том, что человек мертв, убийца выпускал из трупа кровь и укладывал его в мешок описанным выше способом.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ «НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ» ПРЕСТУПЛЕНИИ

Ну что, казалось бы, могут рассказать окурки, особенно по такому серьезному преступлению, как убийство учительницы Камешовой? ¹ Старая учительница сама ку-

---

¹ Фамилии потерпевших и обвиняемых в этом и в большинстве следующих рассказов изменены или заменены начальными буквами.

рила и поэтому обнаруженные на месте преступления окурки не были неожиданностью. Правда, по рассказам свидетелей она всегда пользовалась мундштуком, а найденные окурки были измяты зубами и смочены слюной. Но мало ли что могло случиться с мундштуком.

На месте преступления одновременно была сделана и вторая важная находка: на столе обнаружен лист местной газеты «Коммунар», сложенный так, как обычно складывают газету, употребляемую для изготовления папирос. На сгибах газета протерлась, а ее поверхность была загрязнена. Складывалось впечатление, что газетой пользовался человек, у которого руки часто были грязными, скорее всего в связи с его работой. Следовательно Н. П. Аfenко понял, что эти находки могут быть серьезными уликами.

Окурки были немедленно направлены на судебно-медицинскую экспертизу для определения группы крови человека, курившего папиросы. Если бы такой вопрос следователь поставил перед экспертом лет сорок назад, он не получил бы на него ответа. В самом деле — как же можно было тогда по окуркам, на которых не имеется ни капли крови, определить ее групповую принадлежность? Но в наши дни это вполне возможно. Еще в 1924 г. ученые сделали открытие, позволяющее установить группу крови при исследовании слюны. Они доказали, что в слюне имеются агглютиногены, дающие возможность определить групповую специфичность, которая соответствует групповой принадлежности крови.

Исследование слюны, имевшейся на окурках, показало, что лицо, курившее папиросы, имеет кровь второй группы (А). Ранее была установлена групповая принадлежность крови у погибшей Камешовой. У нее кровь принадлежала к первой группе (0). Теперь выяснилось, что папиросы курила не она, а кто-то другой. Но кто был этот «другой» — оставалось пока неясным. Предстояла еще долгая и кропотливая работа. За нее следователь и взялся. Он понимал, что если ему удастся найти, кто курил папиросы, это приблизит его к решению главного вопроса — кто убил Камешову.

Наиболее сильное подозрение в совершении убийства падало на некоего Василенко, в прошлом уже имевшего судимость. Камешова с Василенко была знакома, свидетели удостоверяли, что он не раз к ней заходил. Но Васи-

ленко не курил, следовательно, окурки были оставлены не им. А вдруг все-таки на этот раз он курил, вдруг окурки его? После исследования у Василенко крови сомнения отпали. Курил не он. Как и у погибшей учительницы, кровь у Василенко была первой группы (0). Но подозрение против Василенко и после этого осталось. Ряд веских улик свидетельствовал о вполне вероятной причастности его к убийству.

На стеклянной банке, находившейся в квартире Камешовой, оказался пальцевый отпечаток Василенко, на его гимнастерке и полушубке нашлись следы крови. Объяснения, даваемые Василенко, были сбивчивыми и противоречивыми.

Но курил все-таки не он. Возможно, у него был соучастник преступления? Изучая связи и знакомства Василенко, следователь заинтересовался личностью некоего Захарчука, который проживал в деревне, расположенной вблизи той школы, где учительствовала Камешова. Выяснилось, что в дни, предшествовавшие ее убийству, Захарчук занимался малярными работами у Фроловых, живших по соседству с Василенко. Выяснилось и еще одно существенное обстоятельство — Захарчук курил. Когда следователь стал расспрашивать Василенко о Захарчуке, тот неожиданно заявил, что с Захарчуком не знаком и сказать о нем ничего не может. Когда же следователь допросил Захарчука, тот не отрицал знакомства с Василенко.

Почему же Василенко отказывается от этого знакомства? Может быть потому, что Захарчук является его соучастником в убийстве?

Следователь снова занялся окурками. Надо было выяснить, какую группу крови имеет Захарчук. Оказалось, что он имеет вторую группу (A), т. е. ту же самую, что была установлена при исследовании слюны на окурках. Значит, окурки мог оставить он. Но ведь это лишь вероятность и к тому же не слишком большая. Известно, например, что вторую группу крови имеет более трети населения Москвы и Московской области. Укрепить или разрушить эту вероятность могла вторая улика — газета, использовавшаяся для папирос. Следователь приступил к всесторонней проверке этой улики.

Выяснилось, что Захарчук не подписывался на местную газету «Коммунар». Она могла попасть к нему лишь

от других лиц. В поиске их следователь вспомнил о малярных работах, производившихся Захарчуком у соседей Василенко. Они были допрошены и показали, что для оклейки стен давали Захарчуку старые номера газеты «Коммунар».

Получив эти сведения, следователь решил собрать окурки во всех тех местах, где курил Захарчук. Во-первых, они были подобраны в доме и около дома Фроловых, у которых Захарчук производил малярные работы. Но следователь учитывал, что здесь их мог бросить не только Захарчук, но и другие лица. Поэтому он направился в дом к Захарчуку, а затем в гараж, в котором Захарчук постоянно работал. Особенно много хлопот ему доставил осмотр гаража. Уборщица объяснила, что окурков остается много, но вместе с остальным мусором она бросает их в мусорную яму. Пришлось следователю вместе с несколькими помощниками в течение нескольких часов осторожно разгребать мусор, выбирая из него все окурки из газетной бумаги и обрывки газет. В разных местах следователю удалось собрать более сотни окурков. Теперь нужно было их исследовать. В распоряжение эксперта-криминалиста были предоставлены два окурка и газета, обнаруженные на месте убийства, а также все окурки, собранные следователем. Эксперту предстояло решить: 1) не является ли газетная бумага двух окурков, обнаруженных на месте преступления, частью обнаруженной там же газеты «Коммунар» от 29 июля 195... года; 2) не являются ли частями той же газеты обрывки от окурков, найденных в гараже, в доме Захарчука и в доме Фролова.

Заключение эксперта оказалось положительным. Он установил, что бумага окурков, обнаруженных на месте убийства Камешовой, а также нескольких окурков, найденных в гараже, в доме Захарчука и в доме Фролова, относятся к одному и тому же листу газеты «Коммунар» от 29 июля 195... года.

Так окурки рассказали то, что старательно скрывали люди. Наряду с остальными доказательствами они замкнули цепь косвенных улик, изобличивших убийц Камешовой.

Исследование вещественных доказательств часто требует колоссального труда, но зато тем, кто этот труд затратил, они особенно охотно раскрывают свои тайны.

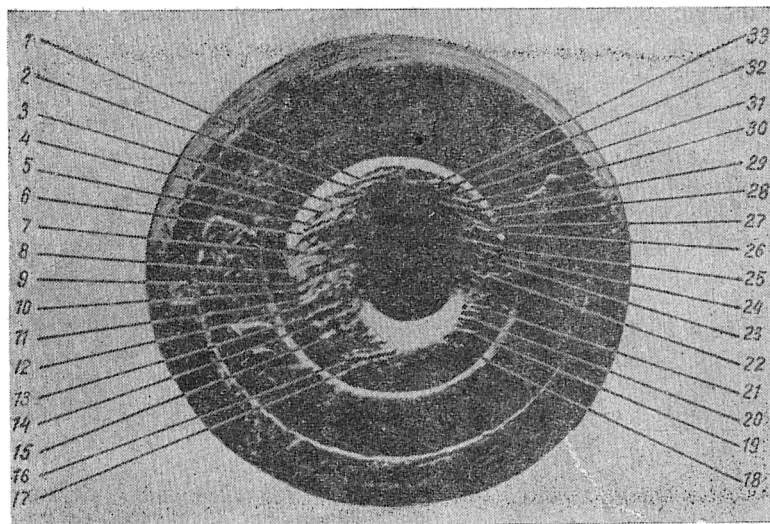

Так случилось и в деле П., которое расследовал следователь т. Толстобров. Вскоре после Великой Отечественной войны в одном населенном пункте были убиты два человека, убийца скрылся. Очевидцев происшествия найти не удалось. В этих условиях «немые свидетели» преступления приобрели решающее значение. Но их было очень мало. На месте происшествия нашли лишь три деформированных пули, пять гильз, коробку от папирос «Темпы» и двенадцать окурков. Больше ничего не было обнаружено. Три месяца следователь пытался распутать узел преступления, но оно продолжало оставаться все таким же неясным.

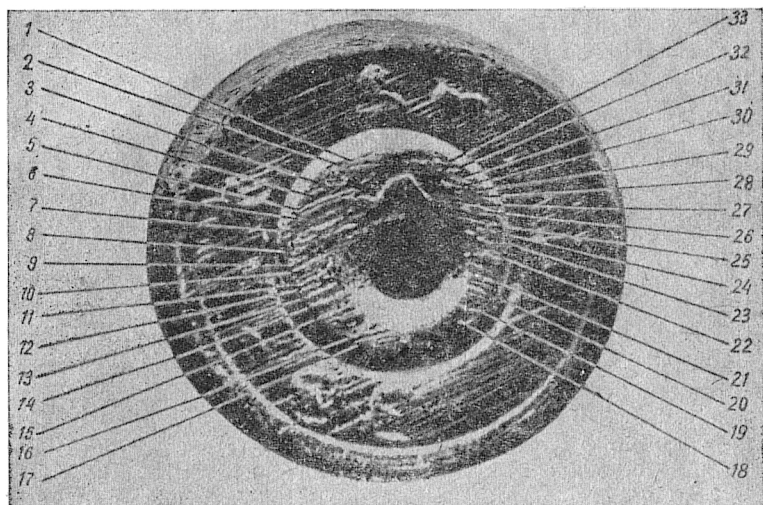
Тем не менее следователь не сдавался. Больше всего надежд он возлагал на гильзы, так как знал, что при стрельбе на них остаются следы, индивидуальные для каждого пистолета. Гильзы были направлены эксперту-криминалисту Р. А. Кентлеру. Изучив их, эксперт установил, что все они имеют характерные следы от патронного упора и от бойка ударника. Но ведь этого мало. Надо было еще эти признаки сравнить с аналогичными признаками на гильзах, выстреленных из подозреваемого оружия. А его как раз и не было. Но и это не обескуражило следователя. Он взялся за упорные поиски оружия. Эксперт дал заключение, что все найденные пять гильз выстрелены из одного и того же экземпляра пистолета системы «ТТ». Это значительно сузило круг поисков. Следователь теперь интересовался только пистолетами «ТТ», а на пистолеты других систем больше не обращал внимания.

Удалось установить, что в ближайших к месту происшествия населенных пунктах 348 человек имели пистолеты системы «ТТ». Это было нелегко сделать, но еще труднее оказалось организовать отстрел из этих пистолетов. Однако при помощи штаба воинского соединения, дислоцировавшегося вблизи, была решена и эта задача. На экспертизу было представлено 696 гильз, каждая из которых была завернута в бумагу с указанием владельца пистолета, номера пистолета и года его изготовления.

Теперь настала трудная пора для эксперта. Действуя методом исключения, он среди всех гильз должен был найти такую пару, следы от патронного упора и от бойка ударника на которых имели бы такие же особенности, как и соответственные следы на гильзах с места проис-

a

б

Рис. 2. Одна из пяти гильз, обнаруженных на месте убийства (а), и одна из 696 экспериментальных гильз, исследованных экспертом (б).
Линии (1—33) указывают на совпадающие признаки.

шествия. Эксперт уже исследовал сотни гильз, но безрезультатно. А исследование подходило почти к концу. Но вот, наконец, как будто те гильзы, которые нужны. Пара гильз, отстрелянных из пистолета «ТТ» № 3370, принадлежащего П., хотя имеет и нечеткий отпечаток следа патронного упора, тем не менее для эксперта уже почти ясно — именно из этого пистолета было совершено убийство.

Однако «почти ясно» — это еще не доказательство. Эксперт затребовал указанный пистолет и произвел из него дополнительные экспериментальные выстрелы. Еще и еще раз он тщательно изучил образовавшиеся на гильзах следы. После этого уже не осталось сомнений. Следователь получил от эксперта заключение: «Следы от патронного упора на пяти гильзах с места происшествия оставлены в процессе стрельбы из пистолета № 3370, принадлежащего П. В целях сокрытия преступления или при ремонте в указанном пистолете был изменен кончик бойка ударника».

Сознакомившись с заключением эксперта и другими доказательствами, П. сознался в совершении убийства и рассказал об обстоятельствах, при которых оно было совершено. Его объяснение полностью совпало с данными, добытыми в процессе расследования. П. был осужден к длительному лишению свободы.

Советский закон требует, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и в то же время ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Этой задаче служат и «немые свидетели» преступлений. С их помощью следственные органы выясняют факты, как изобличающие виновных, так и оправдывающие невиновных. О двух случаях, в которых вещественные доказательства предупредили возможные судебные ошибки, и будет рассказано ниже.

В девятом часу вечера в отделение милиции Советского района города М. позвонил по телефону постовой милиционер и сообщил: «Во дворе дома № 20 по Боровой улице произошла драка, в результате которой нанесено ножевое ранение Игорю М. Пострадавший отправлен в районную больницу. Преступника задержать не удалось, но имеются свидетели преступления, которые могут описать его личность. Приняты меры к охране ме-

ста преступления». По получении этого сообщения на место происшествия выехали следователь т. Григорьев, оперативный уполномоченный отделения милиции и эксперт научно-технического отдела управления милиции города М. Были опрошены очевидцы преступления, и с их помощью восстановлена картина происшествия. Оказалось, что пострадавший М. вместе с братом и своими знакомыми находились около дома, в котором жили. Проходивший мимо дома неизвестный молодой человек неожиданно толкнул М., после чего между ними завязалась драка. Товарищи М. пытались разнять дерущихся, но зачинщик драки вырвался от них, вооружился колом и, размахивая им, побежал вдоль улицы. Добежав до трамвайной линии, он вскочил на заднюю площадку проходившего трамвайного вагона. Когда присутствующие обратили внимание на М., он шел, держась руками за стену. Не дойдя до лестницы, М. упал. Его подняли и отправили в больницу, где врачи извлекли из спины клинок кинжала. Через полтора часа после операции М., не приходя в сознание, скончался.

Кроме следов крови, на месте преступления найти ничего не удалось. Но когда спросили очевидцев преступления, не видели ли они чего-либо на месте убийства, то оказалось, что при бегстве с места преступления убийца потерял на улице шапку-ушанку. К счастью, ее подобрал один из свидетелей. Именно этой шапке суждено было сыграть роль особенно важного «немного свидетеля», без нее трудно было бы разобраться, кто в этом деле был действительным преступником.

Постовой милиционер в своем донесении в отделение милиции сообщал, что свидетели преступления могут описать личность преступника. Его сообщение подтвердилось. Допрошенные следователем свидетели подробно описали как черты внешности преступника, так и его одежду. На основе этого описания подозрение в совершении преступления пало на Б., «словесный портрет» которого во всем совпадал с признаками, описанными свидетелями. Работникам милиции этот портрет был хорошо знаком, так как Б. в прошлом судился за кражу.

Подозрение еще более усилилось после того, как выяснилось, что на следующий день после происшествия на Боровой улице Б. подал заявление об увольнении с работы. На вопрос о причине ухода, заданный ему

в отделе кадров, Б. объяснил, что накануне с кем-то подрался и, желая избежать «неприятностей», решил уехать из М.

Б. задержали и в числе других лиц предъявили для опознания очевидцам преступления. Все они безоговорочно признали в нём того неизвестного человека, который затеял драку с умершим М. Столь же решительно опознал Б. кондуктор трамвая, в который преступник вскочил на ходу, убегая с места убийства. Улики были достаточно вескими. Б. арестовали. Однако сам он решительно отрицал не только убийство, но и само участие в драке, возникшей на Боровой улице. Вот тут-то и вспомнили о шапке-ушанке. Она могла или подтвердить объяснения Б. или подкрепить улики, говорящие против него. Собственно, это могла сделать не сама шапка, а следы пота, оставшиеся на ней. Ученые открыли, что исследование пота позволяет установить групповую принадлежность крови. Для соответствующего исследования шапку направили в судебно-медицинскую лабораторию. Заключение эксперта оказалось неожиданным. При исследовании пота было установлено, что владелец шапки имеет вторую группу крови (А), исследование же крови Б. показало, что он имеет первую группу (О). Таким образом, заключение эксперта подтвердило объяснение Б., отрицавшего участие в драке. Следовательно все же сомневался: может быть, эксперт ошибся? Но вскоре выяснилось, что это не так. Следователю удалось напасть на след подлинного преступника. Им оказался некто С., который может быть назван «двойником» Б. Его внешность и одежда имели очень много общих черт с внешностью и одеждой Б. Исследование крови на этот раз показало, что она относится ко второй группе (А), т. е. к той самой группе, что и у владельца шапки, найденной на месте преступления.

Позднее было установлено, что на следующий день после убийства на Боровой улице С. купил на рынке такую же шапку-ушанку, как и утерянная. Много было собрано и других улик, изобличающих С. в совершении убийства. В частности, он был опознан всеми теми лицами, которые первоначально ошибочно опознали Б. Но винить их в этом было нельзя. Сходство между преступником и его «двойником» было действительно поразительным (см. рис. 3). Несмотря на это, судебной ошибки

не произошло. Ее предупредили «немые свидетели» преступления. Само собой разумеется, что после установления описанных обстоятельств Б. немедленно освободили из-под стражи и дело о нем производством прекратили. С. был приговорен к высшей мере наказания.

a

б

Рис. 3. Обвиняемый С. (а) и его «двойник» (б).

Нельзя, конечно, думать, что невиновность может быть доказана лишь с помощью таких веществ, как кровь, пот и т. д. Этой цели могут служить решительно все «немые свидетели». Вот еще один случай, когда такого рода свидетелями оказались предсмертные письма. Однажды в парке города Н. Тульской области, в чаще деревьев, на небольшой полянке был обнаружен висевший на березе труп молодого человека.

На место происшествия немедленно прибыли работники прокуратуры вместе с судебно-медицинским экспертом. Тело погибшего еще до их приезда было снято с дерева. При осмотре трупа на кистях рук, на шее и на левой щеке были обнаружены множественные свежие ссадины, которые, по заключению судебно-медицинского

эксперта, имели предсмертное происхождение. Это давало основание предполагать, что произошло убийство. Погибший был одет в черные брюки, рубашку и джемпер. Рядом с трупом лежал разрезанный на две части галстук.

Уже в процессе осмотра перед следственными органами в подобных случаях возникает задача установить личность погибшего. Решение ее нередко причиняет много хлопот, но в данном случае этого не произошло. Еще не был закончен осмотр, как местные жители опознали погибшего. Это был рабочий химического завода И., проживавший в заводском общежитии.

Закончив осмотр места происшествия, следователь сразу же направился в общежитие, где осмотрел койку и столик И. Однако ничего существенного при этом обнаружено не было. Значительно более полезные результаты дали допросы товарищей И. по общежитию. Они сообщили, что И. ушел в этот день из общежития в 10 час. утра. Одет он был в черный костюм, при себе имел не менее 400 рублей денег (в старом масштабе цен). По их словам, И. собирался ехать в нарсуд за получением копии приговора, которым он был осужден к трем месяцам исправительно-трудовых работ за клевету на гражданку С.

Эти данные серьезно укрепляли возникшую версию об убийстве И. Казалось, что прояснилась и причина убийства: оно было совершено с целью ограбления. Убийца воспользовался пиджаком и находившимися в нем деньгами.

Но следователь не имеет права ограничиваться одной версией, какой бы убедительной она ему ни казалась. Он обязан исследовать все возможные в данном случае версии. Поэтому возникла необходимость узнать характер взаимоотношений И. и С. Выяснилось, что И. был безнадежно влюблен в С. Он продолжительное время за ней ухаживал, но взаимности не добился. Отвергнув его ухаживания, С. вышла замуж за другого. После этого И. начал ей мстить. В посылаемых ей письмах он оскорбительно отзывался о ней, всячески пытался унижить ее женское достоинство. После этого С. и обратилась в народный суд с жалобой на поведение И. Как было уже сказано выше, суд приговорил И. к исправительно-трудовым работам. Новые фактические данные делали

вполне правдоподобной еще одну версию: И. покончил жизнь самоубийством из-за безнадежной любви к С. В пользу этой версии косвенно говорило и еще одно обстоятельство: судебномедицинское вскрытие трупа установило, что перед смертью И. находился в состоянии опьянения, в то время как свидетели утверждали, что ранее спиртных напитков И. никогда не употреблял. Впрочем, вполне можно было предположить и другое: И. напоил убийца. С пьяным он мог значительно легче справиться. Тем более, что пиджак и деньги все-таки оказались похищенными. Эти факты подтверждали вероятность первой версии. Кроме того, скоро удалось задержать некоего К., у которого при обыске обнаружили бумажник, документы и деньги, принадлежавшие И. На нем же был надет черный пиджак И. Казалось, что цепь доказательств теперь прочно замкнулась. К тому же личность К. не внушала ни малейшего доверия. Проживая без определенных занятий, он в прошлом четырежды судился. Однако К. категорически отрицал возникшее против него подозрение, заявляя: «на мокрые дела я не мастер». Пиджак и бумажник, по словам К., были найдены им в парке. Следовательно предложил показать то место в парке, где он нашел их. К. указал место именно у той березы, на которой был обнаружен труп И. Но вместе с тем он продолжал твердить: «к убийству я не причастен. На месте, где нашел пиджак, ни живого человека, ни трупа я не видел». Поверить этому было более чем трудно. К. предъявили обвинение в убийстве и ограблении И.

Уже после того как уголовное дело было закончено и предъявлено К. для ознакомления, неожиданно выяснилось, что вместе с пиджаком он якобы нашел еще какую-то книгу, которую выбросил в канаву, находящуюся вблизи керамического завода.

Если бы сообщение К. и не являлось выдумкой, надеяться на то, что выброшенная книга уцелела, было очень трудно. Со времени события прошло уже более недели. Но обвиняемому нельзя отказывать в проверке фактов и обстоятельств, имеющих значение для дела. Тем более, что иногда невозможное оказывается вполне возможным. Так именно произошло и в данном случае. Когда следователь вместе с обвиняемым и понятыми прибыли на место, описанное К., в заросшей травой

канаве они нашли томик стихов. На первом и последнем чистых листах книги было что-то написано. Это оказались предсмертные письма И. Он писал в них, что безумно любит С. и, не встречая взаимности с ее стороны, жить больше не может. Оставалось проверить подлинность найденных писем. Криминалистическая экспертиза установила, что они действительно написаны И.

Казавшаяся столь убедительной версия об убийстве не подтвердилась. Могла произойти судебная ошибка, но ее удалось предупредить. Обвинение против К. было прекращено.

ОШИБКИ, КОТОРЫХ МОГЛО И НЕ БЫТЬ

Тому, кто умеет разговаривать с «немыми свидетелями» преступлений, они охотно рассказывают известные им тайны. Но для этого нужно, чтобы они были бережно сохранены в их первоначальном виде. Это первое и очень важное условие, позволяющее правильно понять их немую речь. Если первый свидетель, случайно обнаруживший преступление, и все те, кто вслед за ним появятся на месте происшествия, не будут знать этой азбучной истины криминалистики, «немые свидетели» без всякого злого умысла легко могут оказаться уничтоженными или поврежденными. Их «врагами» могут быть не только люди или животные, но и естественные силы природы: дождь, снег, ветер и т. п.

О двух случаях, когда невольными врагами «немых свидетелей» преступления оказались люди, и будет рассказано ниже.

В одном из сел преступники совершили дерзкую кражу в магазине. Первой обнаружила ее колхозная доярка, направлявшаяся ранним утром на молочную ферму. Обо всем виденном она сразу же рассказала заведующей фермой, которая немедленно сообщила о происшествии председателю сельского совета. После этого была организована охрана места происшествия и об этом событии сообщено в районную прокуратуру. При разговоре с председателем сельсовета следователь похвалил его за проявленную расторопность и спросил, не заметил ли он на месте происшествия следов ног преступников. Председатель сельсовета ответил следователю, что следы имеются и он постарается их сохранить.

Однако следователя это не удовлетворило. Погода была неустойчивой, стоило пойти дождю или снегу и следы неминуемо погибли бы. Надо было сохранить их во что бы то ни стало, поэтому следователь попросил самые отчетливые из них покрыть какими-либо полыми предметами. Председатель сельсовета с готовностью это сделал. Следы были покрыты бочками и ящиками, хранившимися под навесом около магазина.

Через несколько часов на место происшествия прибыл следователь вместе с работниками милиции и со служебно-розыскной собакой.

Увидев укрытые следы, приехавшие поблагодарили председателя сельсовета за помощь. После того, как сняли бочки и ящики, попытались пустить по следам служебно-розыскную собаку. К удивлению проводника его верный друг «Айгун» действовал на этот раз неуверенно, нервно кружился, но следа взять не мог. У проводника мелькнула догадка: не пропитали ли преступники следы чем-то остро пахучим? Так оно и оказалось. Но виновником в этом оказались не преступники, а... председатель сельсовета. Выяснилось, что в ящиках и бочках, покрывавших следы, хранились в прошлом парфюмерия и другие резко пахнущие товары. Их запах и перебил запах следов, оставленных преступниками. Прочие же следы оказались уничтоженными. Их затоптали многочисленные любопытные, собравшиеся около магазина.

Служебно-розыскную собаку применить на этот раз не удалось. Произошло это потому, что следователь не рассказал председателю сельсовета, как и какими предметами можно укрыть следы. Поэтому и осталась непонятой их немая речь. К счастью, эта ошибка не сказалась на результатах расследования. На месте происшествия нашлось много других «немых свидетелей» преступления. Преступники были найдены. А могло быть иначе. В другом случае так именно и произошло.

В небольшом городке преступники убили сторожа и пытались совершить ограбление местной конторы связи. Раньше всех убийство обнаружила жена убитого, работавшая в этой же конторе связи уборщицей. Придя утром на работу, она увидела в прихожей конторы труп мужа, лежавший в луже крови. Не заходя в остальные помещения, уборщица сразу же направилась в районный

отдел милиции и сообщила дежурному о случившемся. Выслушав ее, дежурный распорядился, чтобы она шла обратно и ждала следователя и начальника милиции на месте. «Только смотри, — добавил он, — к трупам не прикасайся и, где он лежит, ничего не трогай». После этого дежурный доложил о происшествии начальнику и принялся за очередные дела. Жена погибшего вернулась на место происшествия. Обойдя помещение, она увидела, что преступники побывали не только в прихожей, но и в остальных комнатах конторы связи. Свидетельством их пребывания были обгорелые спички, окурки папирос, следы грязи на полу и т. д. Особенно много таких следов было оставлено около несгораемого ящика. Следы взлома говорили о неудачной попытке преступников вскрыть ящик. То обстоятельство, что он оказался сдвинутым к окну, давало основание думать, что преступники пробовали унести его из помещения, но не могли этого сделать.

Видя такой «беспорядок», уборщица ужаснулась. Скоро в конторе должен начаться рабочий день, а она еще не начинала уборку. К тому же сюда вот-вот придут следователь и начальник милиции. Что подумают они о ней? Да и горе не давало покоя, слишком велико оно было. Ей захотелось хотя бы на время заглушить его работой, и уборщица привычно принялась за дело. Не прошло и часа, как порядок был восстановлен. Помещение конторы приняло свой обычный вид. Вот только несгораемый ящик не удалось поставить на место, уж очень он оказался тяжелым. Видимо, не один, а несколько человек сдвинули его с места. Ну, да это не беда. Зато начисто вытерты стенки ящика, блестит он как всегда.

Когда в конторе появились начальник связи, следователь и начальник отделения милиции, уборщица была уверена, что услышит от пришедших не только сочувствие, но и похвалу за чистоту в помещении. Однако, к ее удивлению, этого не случилось. Наоборот, ей пришлось выслушать много горьких упреков за неуместное в данном случае старание.

Кто же в этом был виноват? Прежде всего, конечно, дежурный по отделению милиции, не сумевший объяснить уборщице, что она может и чего не может делать на месте происшествия. Кроме того, виной тому была и

ее криминалистическая «неграмотность», которая так часто еще встречается в жизни.

Почему-то сложилось убеждение, что о «немых свидетелях» преступления обязаны знать только следственные работники. Но это неверно. Первыми с ними сталкиваются обычно не следственные работники, а люди, не имеющие к следственной работе никакого отношения. Именно они и должны знать, где могут находиться и как должны сохраняться «немые свидетели» преступлений. В противном случае всегда будет существовать опасность их повреждения или уничтожения. Другое дело — исследование обнаруженного. Оно осуществляется такими специальными приемами и методами, которые не могут быть известны людям, специально не занимающимся борьбой с преступностью.

УЛОВКИ ПРЕСТУПНИКОВ НЕ ПОМОГЛИ

Иногда преступники пытаются обмануть органы расследования, прибегая для этой цели к созданию фальшивых «доказательств». С их помощью они стараются направить следствие по ложному пути и тем самым избежать наказания. Но опытные следователи быстро распознают уловки преступников.

В небольшом населенном пункте у одного из жителей была украдена корова. Потерпевший, обнаружив пропажу, немедленно сообщил о ней в районный отдел милиции. Преступление подобного рода в районе было уже не первым. На место происшествия сразу же выехала оперативная группа, возглавляемая начальником милиции майором т. Сарсамбаевым. Внимательный осмотр помещения, в котором раньше стояла корова, и окружающей местности привел некоторых участников оперативной группы в замешательство. Для этого были веские основания. Незадолго до дня кражи в районе прошли дожди, и земля после них оставалась еще влажной. На такой земле особенно хорошо отпечатываются следы людей и животных, но следов животных-то как раз и не могли найти. Одни работники оперативной группы шутили, высказывая предположение, что корова «улетела». Другие начали скептически относиться к поступившему заявлению о краже коровы, считая, что налицо симуля-

ция кражи. Третьи предлагали более тщательно исследовать помещение, в котором стояла корова, допуская возможность, что она была там зарезана. Исключить последнюю версию было бы неправильно. Помещение тщательно исследовали, но никаких следов того, что корова была убита, не нашли, а они обязательно должны были остаться.

Что же все таки случилось с коровой? Надо было это выяснить. Майор Сарсамбаев еще и еще раз возвращался к следам людей, идущим от помещения, в котором стояла корова. Некоторые из этих следов показались ему явно подозрительными. Уж слишком странно выглядела «дорожка» этих следов. Метр за метром сотрудники милиции исследовали эту «дорожку», идя по ней все дальше и дальше. Предчувствие и опыт не обманули их. Следы привели к лесу, расположенному в пяти километрах от места, где была совершена кража коровы. Здесь в лесу ее и нашли. Почему же все-таки не было следов ее на дороге? Это произошло потому, что на ногах у коровы были укреплены... мужские ботинки.

Второй случай имел более печальный конец. Началось все обычно: к технику Сольникову, проживавшему в городе Л., приехала жена с двумя детьми. До этого она проживала в другом городе, где имела собственный дом, который по настоянию мужа перед отъездом продала. На вырученные деньги супруги собирались купить домик в одном из пригородов Л. Но потом произошло неожиданное: жена и дети Сольникова пропали. Он всем рассказывал одну и ту же историю: жена его бросила и вместе с детьми уехала в один из прибалтийских городов, где вышла замуж за человека, с которым познакомилась за несколько лет до этого. Люди одновременно верили и не верили этому. Все казалось слишком странным. Жена его ни с кем не делилась такими планами. Это вызывало удивление, так как она была женщина общительная. Больше всех тревожилась ее мать, которая проживала в другой области. Она не поверила рассказываемой зятем истории, так как была убеждена в том, что ее дочь не могла скрыть от матери своих намерений. Но вслед за этим произошли обстоятельства, которые озадачили старушку. От дочери пришло письмо, в котором она просила мать не беспокоиться за нее. Дочь писала, что живет

счастливы, любит и любима, дети тоже хорошо себя чувствуют. В конце письма говорилось, что по условиям работы нового мужа им часто приходится переезжать из одного места в другое и поэтому адреса она пока сообщить не может. Старушка сначала успокоилась, но ненадолго. Ее смущал почерк дочери. Он казался ей сильно изменившимся, почти незнакомым. Она пошла даже к учительнице и посоветовалась с ней. Та ей сказала, что почерк не постоянен и с течением времени изменяется. Учительница даже привела пример из своей жизни: ей часто пишут бывшие ученики и она не всегда узнает их почерк, так сильно он изменяется с годами. Старушке стало чуточку спокойнее. Через некоторое время пришли новые письма, но адреса и в них не сообщалось. В одно из писем была вложена фотография, на которой дочь и внуки были изображены с каким-то неизвестным ей мужчиной. Дочь писала, что это и есть ее новый муж. Время шло, а вместе с ним росла тревога матери. В конце концов она надумала обратиться в органы милиции и рассказать обо всем, что ее тревожит.

Ее рассказ внимательно выслушали и сразу же поняли, что мать волнуется не напрасно. Решили, пока еще не поздно, взяться за поиски исчезнувшей женщины. Это потребовало тщательной и кропотливой следственной работы. Каков же был ее результат? Расследование установило, что история, рассказываемая Сольниковым, выдумана от начала до конца. На самом деле его жена и дети оказались убитыми и убийцей был сам Сольников. Задумав завладеть деньгами, которые жена получила за проданный дом, Сольников заманил ее вместе с детьми под видом осмотра присмотренного им нового дома в пригородный лес и там совершил тройное убийство. Закопав трупы, убийца вернулся в Л., где рассказывал всем, кто интересовался судьбой его жены, выдуманную им историю, чтобы скрыть не только следы преступления, но и самый факт убийства.

А как же письма, фотографии? Они тоже входили в план сокрытия убийства, который был тщательно разработан Сольниковым. Письма писал он сам, а отправлял их при помощи знакомых железнодорожных проводников из различных городов Прибалтики. Фотоснимок представлял собою фотомонтаж. Сольников восполь-

зовался имевшейся у него фотокарточкой жены и детей. Знакомый фотограф вмонтировал в этот снимок фотографию неизвестного мужчины. Он и был выдан за человека, к которому якобы уехала жена Сольникова. Придуманно было все хитро, но хитрость не помогла. Сольникова приговорили к высшей мере наказания.

СЛЕДЫ ИЗОБЛИЧИЛИ

Следы ног человека и животных используются при поиске преступников с глубокой древности. В «Русской Правде» (XI в.) по этому поводу говорилось, что, не обнаружив вора на месте кражи, нужно искать его по следу с участием посторонних людей — свидетелей. Следы показывают, откуда пришел и куда ушел преступник, как он передвигался на месте совершения преступления. В некоторых случаях следы приводят прямо к месту, где скрывается преступник, а чаще помогают обнаружить его в ходе дальнейшего следствия.

Искусством различения следов особенно хорошо владеют индийские, австралийские и другие следопыты. Рассказывая о работе австралийских следопытов, русский путешественник А. Л. Яценко писал: «Там, где европеец не увидит при самом тщательном рассматривании и следа каких-либо изменений на почве от шагов прошедшего человека или животного, австралийский трэкер идет как по нитке... Для этого ему достаточно чуть заметной вдавлины от каблука на каменистой даже поверхности, слегка свороченного камешка, задетой и содранной слегка коры на дереве или надломленного стебелька травы, клочка пряжи от костюма, едва видимого, и т. п.»¹ Прекрасно ориентируются в следах наши охотники на Дальнем Востоке, в Якутии и многих других местах.

С изумительным мастерством М. Ю. Лермонтов описал в поэме «Боярин Орша» следы, обнаруженные при бегстве Арсения из монастырской тюрьмы:

Пришли, глядят: распилена
Решетка узкого окна,

---

¹ А. Л. Яценко. Путешествие по Австралии. М., Географгиз, 1959, стр. 67.

Во рву притоптанный песок
Хранил следы различных ног;

Пошли прилежно по следам:
Они вели к Днепру — и там
Могли заметить на мели
Рубец отчалившей ладьи.¹

Первый описанный в литературе случай научного исследования следов ног человека относится к 1846 г. В одном зарубежном городе было совершено убийство двух девочек. При осмотре комнаты, в которой произошло убийство, нашли кровавый отпечаток босой ноги человека.

Подозрение в совершении преступления первоначально пало на одного унтер-офицера. Однако он категорически отрицал свою виновность. Чтобы решить, обосновано ли его отрицание, обратились к судебному медику Коссе с просьбой произвести сравнительные исследования отпечатков ног подозреваемого и отпечатка следа, оказавшегося на месте происшествия. Произведя исследование, он пришел к выводу, что след оставлен не подозреваемым, а кем-то другим. Через некоторое время появился еще один подозреваемый. Эксперт повторил свое исследование. На этот раз его заключение было положительным. Отпечаток ноги подозреваемого полностью совпал со следом, обнаруженным в комнате убитых.

В дореволюционной России научное исследование следов производилось очень редко. Если при осмотре мест происшествия следы находили, то ограничивались их измерением. Других средств фиксации следов до второй половины XIX века известно не было. Лишь в 1867 г. русский военный лекарь А. Э. Борхман открыл способ изготовления с объемных следов гипсовых слепков. Однако практически этот способ применялся редко. Когда в 90-х годах гипсовые слепки со следов ног, обнаруженных на месте происшествия, помогли установить убийц сторожа кирпичного завода, расположенного близ Балаклавы, это событие вызвало огромный интерес далеко за пределами Крыма. В специальных журналах подробно описывалось, как долго и с каким большим

---

¹ М. Ю. Лермонтов. Собр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1958, стр. 375.

вниманием присяжные заседатели изучали обувь подсудимых и гипсовые слепки, изготовленные в процессе осмотра места убийства. Это и понятно, ведь подсудимые отрицали свою вину. Но присяжные заседатели убедились, что «немые свидетели» преступления изобличают их полностью. По делу был вынесен обвинительный вердикт.

В наши дни слепки со следов изготавливаются не только из гипса, но и с помощью новейших технических средств, в частности полимеров.

О том, как следы помогают раскрывать преступления, рассказывается в приводимом ниже примере из практики следователя Н. И. Куриленко.

В Доме пионеров города Щ. произошел пожар. При осмотре места происшествия были обнаружены явные следы поджога. Без труда можно было установить и обстоятельства происшествия. Из рабочей комнаты Дома пионеров исчезли многие радиодетали. Это давало повод думать, что преступление совершено кем-то из местных «радиолюбителей». Но радиолюбителей в городе было много. Кто же из них оказался преступником? Ответ на этот вопрос дали следы, обнаруженные на месте происшествия. Они были двух видов: одни большого размера и вели от Дома пионеров к сараю, находившемуся во дворе; вторые следы от обуви меньшего размера вели к одному из домов на соседней улице. Была оттепель, и отпечатки следов прекрасно сохранились. При их исследовании выяснилось, что следы большого размера оставлены либо рабочими ботинками, либо кирзовыми сапогами: ясно вырисовывался отпечаток шипов, которые бывают на подобной обуви. Отпечатки меньшего размера были оставлены галошами. Они оказались настолько отчетливыми, что виден был даже номер галош («№ 6»).

Дорожку следов удалось проследить до дома, около которого они исчезали. Времени терять было нельзя. Следователь решил произвести в доме обыск. Как и следовало ожидать, он дал положительные результаты. В одной из комнат на столе были кучей сложены различные радиодетали, а в углу комнаты стояли рабочие ботинки с шипами. На ногах хозяйки дома были надеты галоши. Когда ее попросили снять и показать галоши, на них четко выделялся выпуклый знак «№ 6».

Преступником оказался сын хозяйки дома. Он даже не пытался отрицать вину и рассказал, где находятся остальные похищенные предметы. Они были спрятаны на чердаке.

Возникает вопрос: причем же тут пожар и почему на месте происшествия нашли следы не только от рабочих ботинок, но и следы галош. Об этом рассказал сам преступник. Вначале он проник в Дом пионеров через разбитое в окне стекло и унес домой похищенные радиодетали. В это время на ногах у него были надеты рабочие ботинки. Но вор опасался, что его найдут по следам. Через два часа он снова направился к Дому пионеров, но теперь на ногах у него были уже не рабочие ботинки, а галоши, надетые на носки.

Преступник снова пришел в помещение Дома пионеров и поджег рабочую комнату. Огонь разгорался медленно. Преступник в третий раз пришел к Дому и бросил в комнату фотопленку, надеясь, что она усилит огонь. Он был уверен, что все другие следы будут уничтожены пожаром, а следы ног затоптаны собравшимися на пожар людьми. Но преступник просчитался. Следы остались. Их сразу уловил опытный глаз следователя. Двойное преступление было раскрыто.

Наряду со следами ног человека большое криминалистическое значение имеют следы животных. Правда, встречаться с ними приходится реже, чем со следами человека, но, если это происходит, они могут рассказать о многом. Известный охотник и натуралист Джим Корбетт утверждает, что, глядя на следы зверя, можно определить пол, возраст, величину животного и т. д. Это может подтвердить любой опытный охотник. Даже в лесу охотник-промысловик легко находит след зверя, особенно крупного. Ему помогают в этом не только глаза, но и пальцы. Слегка загребая листву и ощупывая поверхность мягкой лесной почвы, он определяет свежесть следа, пол, примерный возраст прошедшего животного.

Каждое животное имеет свою «походку», свои особенности в строении копыт и т. д. Если же на месте происшествия встречаются следы подкованных животных, вырисовываются индивидуальные признаки, присущие подковам. О случае раскрытия преступления по следам подковы и рассказывается дальше.

В Каблуковском сельпо ночью была совершена кража. Преступники похитили промышленных и продовольственных товаров на несколько десятков тысяч рублей. Когда известие об этом преступлении поступило к участковому уполномоченному районного отдела милиции лейтенанту Сафонову, он немедленно выехал на место совершения преступления. Сюда же вслед за ним прибыл и следователь районной прокуратуры Платонов.

При осмотре места кражи они установили, что воры проникли в магазин, взломав окно. Через него же выносились похищенные товары. Погрузив их на подводу, преступники уехали в направлении ближайшей железнодорожной станции. Об этом ясно говорили отчетливые следы, сохранившиеся на влажной почве проселочной дороги. Эти следы рассказали также о ширине колеи, оставляемой колесами телеги, о ширине обода самих колес, об особенностях «походки» лошади и, наконец, о том, что одна подкова у этой лошади была с изъяном. Передний шип у нее отсутствовал. Зафиксировав все найденные следы, следователь немедленно организовал осмотр конюшен в ближайших колхозах и совхозах. В одной из них была обнаружена лошадь по кличке «Белянка», на левой передней ноге у которой подкова оказалась без переднего шипа. Выяснилось, что на «Белянке» накануне возил сено некий Марфин. Осмотрели телегу, на которой он работал. Ширина оставляемой ею колеи и ширина обода колес совпали со следами, которые были обнаружены на месте кражи. Совпали и признаки «походки» лошади. Когда «Белянка» ставила правую переднюю ногу, она немножко подвигала ее вперед, благодаря чему на земле оставался особый плоский отпечаток.

Назначенная по делу криминалистическая экспертиза подтвердила мнение следователя. Эксперт в заключении сделал вывод, что следы, обнаруженные на месте кражи, оставлены лошадью «Белянкой» и телегой, в которую она была запряжена. Марфину и его соучастнику пришлось признаться в совершении кражи и рассказать, куда они спрятали похищенные товары.

ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ — НАУЧНОЕ «УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

Дошедшие до нас исторические памятники свидетельствуют о том, что узоры на пальцах рук были известны уже древнему человеку. Так, например, на одной из скал, находящихся вблизи озера Кежимкуйк (Канада), древний художник изобразил человеческую руку. На своем рисунке он добросовестно воспроизвел линии, покрывающие внутреннюю поверхность ладони и конечные фаланги пальцев рук. Но то, что сумел увидеть этот древний художник, люди, жившие позднее его, долго не замечали. Знания о пальцевых узорах приобрели научный характер лишь в XVII веке. Позднее эта наука получила название дактилоскопии (греч. *dáktulos* — палец, *σκοπέω* — смотрю). Но практическое применение пальцевые узоры получили много раньше указанного времени. Первые достоверные сведения об этом сохранились в странах Востока. В древнем китайском и японском семейном праве существовало, например, правило, обязывающее мужа при разводе с женой выдать ей собственноручно подписанный документ, удостоверяющий тот из семи возможных поводов (неповиновение родителям, бесплодие, развратное поведение, проказа, ревнивость, болтливость, воровство), по которому состоялся развод. Если же муж был неграмотен, то вместо подписи он должен был сделать на документе отпечаток своего пальца.

Известный русский этнограф XIX века С. В. Максимов утверждал, что и в Древней Руси существовал обычай оставлять на деловых бумагах отпечатки пальцев. Отсюда, по его словам, произошло сохранившееся до наших дней выражение «руку приложил». Однако можно сомневаться в основательности подобного утверждения. По крайней мере, хранящиеся в наших архивах древние документы не содержат пальцевых отпечатков.

Первое научное описание папиллярных линий, из которых состоят пальцевые узоры, сделал итальянский ученый М. Мальпиги в 1686 г. В дальнейшем ученые установили, что эти линии имеют известные закономерности, образуют определенные разновидности узоров. Первоначальную классификацию их разработал чешский ученый Ян Пуркинье. Впоследствии она была уссо-

вершенствована другими учеными. Теперь узоры обычно сводят к трем основным типам: дугам, петлям и завиткам.

Что же привлекло внимание ученых к папиллярным узорам? Узоры обладают интересными свойствами. Первое и самое замечательное их свойство — неповторимость. Строение узоров у каждого человека индивидуально. У двух людей, даже у близнецов, совокупность деталей в строении узора всегда будет различной. Но узоры имеют еще и второе замечательное свойство — неизменяемость. Формирование их происходит еще в утробном периоде развития человека, и в таком неизменном виде узоры сохраняются до конца жизни человека. Все попытки уничтожить или видоизменить папиллярные узоры не достигают цели до тех пор, пока они не затрагивают глубоких слоев эпидермиса. При поверхностных повреждениях кожи узоры через короткое время восстанавливаются в своем первоначальном виде. Когда же грубо нарушены глубокие слои эпидермиса, на узорах возникают шрамы. Восстанавливаемость узоров и составляет третье замечательное их свойство.

Теперь легко понять, почему папиллярным узорам придается такое большое криминалистическое значение. Они служат «удостоверением личности» человека. Со временем резко меняется внешность человека, он может при желании изменить свою фамилию, имя и отчество, но папиллярные узоры всегда остаются неизменными. С их помощью легко и безошибочно устанавливаются те лица, которые имеют основание скрывать свою личность.

Однако когда речь идет об использовании папиллярных узоров в борьбе с преступностью, необходимо отметить еще одно важное их свойство. Благодаря особенностям своего строения и физиологических функций папиллярные линии, образующие узоры, произвольно отпечатываются в скрытом виде на тех предметах, к которым человек прикасается руками. Чтобы сделать эти отпечатки видимыми, ученые разработали множество способов, успешно применяемых для выявления не только свежих отпечатков, но и таких, которые оставлены несколько недель и даже месяцев тому назад. Если в сравнительно недалеком прошлом удавалось выявлять отпечатки лишь на гладких или полированных поверхностях,

то сейчас научились выявлять их и на всевозможных шероховатых поверхностях.

Практическое применение пальцевых отпечатков для криминалистических целей в различных странах началось в разное время. Большую известность, например, в начале нашего столетия получило дело Шеффера (Франция): в Париже на улице Фобур-Сент-Оноре 17 октября 1902 г. было совершено убийство некоего Рейдера, служившего лакеем у дантиста Алло. Одновременно были похищены ценные предметы искусства, находившиеся в квартире дантиста. Чтобы взять их, преступнику пришлось разбить стекло в витрине, в которой они хранились. Явившийся на место происшествия эксперт-криминалист А. Бертильон взял осколки стекол в свою лабораторию и при исследовании обнаружил на них пальцевые отпечатки. Тщательное сравнение их с отпечатками преступников, находившимися в парижской полиции, позволило установить убийцу. Им оказался приятель убитого лакея, некий Шеффер, в прошлом уже судившийся.

В России первые случаи раскрытия преступлений с помощью пальцевых отпечатков относятся к 1910—1912 гг. Широкую известность в литературе получила дактилоскопическая экспертиза, произведенная в 1912 г. В. И. Лебедевым по делу об убийстве в Петербурге провизора харламовской аптеки Вайсброда. Основным доказательством, на основании которого Петербургский окружной суд признал виновным в убийстве Вайсброда подсудимых Алексеева и Шунько, явились пальцевые отпечатки, обнаруженные на разбитом стекле аптечной двери.

Эту экспертизу часто называют первой дактилоскопической экспертизой, произведенной в русских судах. На самом деле первой она была только в Петербурге. Еще в 1909 г. в Варшаве пальцевые отпечатки изобличили некоего Боронского в убийстве и ограблении. Отпечаток его пальца нашли на папиросной коробке, в которой убитый хранил деньги. В 1911 г. Одесский окружной суд осудил за квартирную кражу некоего Бабицкого. Как и в только что упомянутом деле, доказательством, изобличающим Бабицкого в совершении преступления, послужил его пальцевый отпечаток, который нашли на деревянной полированной копилке.

В последующие годы число случаев, когда преступ-

ников изобличали отпечатки пальцев, возрастало. Большую роль отпечатки пальцев продолжают играть и в практике советских следственных органов. Вот, например, один из рядовых случаев.

На вокзалё в городе Л. познакомились два человека. Один из них был слегка «навеселе». Новые «знакомые»

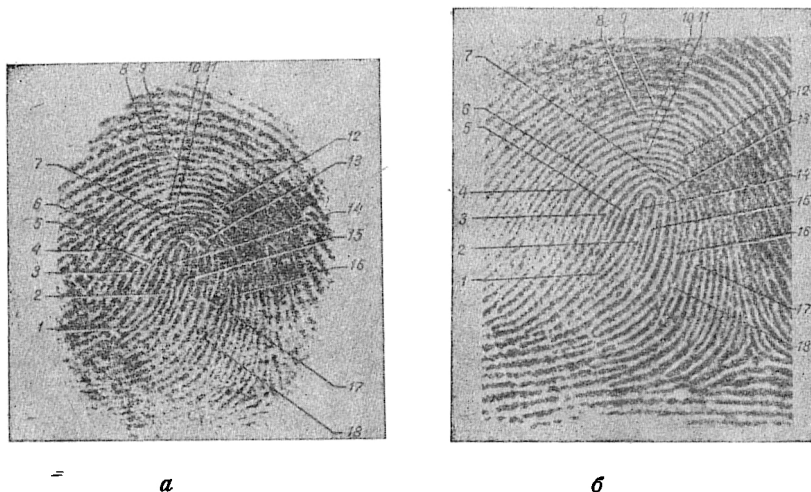

Рис. 4. Отпечаток пальца правой руки, обнаруженный на поверхности бутылки (а), и отпечаток пальца правой руки подозреваемого (б).

решили распить в буфете бутылку пива, тем более, что до отхода поезда оставалось еще более часа. За первой бутылкой появились и вторая, и третья. Кончилось все это для одного из них печально. Воспользовавшись его недолговременным отсутствием, «приятель» исчез, а вместе с ним исчез и чемодан. Вместо того, чтобы идти к поезду, пришлось отправиться в дорожный отдел милиции.

Дежурный работник милиции вышел на место происшествия и допросил официанта о приметах вора, т. е. получил, выражаясь языком криминалистов, его «словесный портрет». Кроме того, он приобщил к делу бутылку, которую распил потерпевший со своим «приятелем». Скоро удалось задержать вора, но... чемодана у него уже не было. Более того, он категорически отрицал встречу с владельцем чемодана и настойчиво просил привлечь его к ответственности за клевету. Подо-

зреваемого предъявили для опознания официанту. Тот опознал его. Однако возникло сомнение, не ошибся ли официант. Пришлось прибегнуть к помощи «немых свидетелей». Эксперт Г. И. Малахов исследовал бутылки, оставшиеся на столе после исчезновения вора. На одной из них нашелся четкий отпечаток пальцевого узора, не принадлежавший ни официанту, ни потерпевшему. Оставалось предположить, что он оставлен подозреваемым. Были сделаны контрольные отпечатки и предположение подтвердилось. После предъявления отпечатков подозреваемому он прекратил заpirationство.

КРОВЬ КАК УЛИКА

Еще в глубокой древности сложилась народная пословица «Кровь, путь кажет». Большое место следы крови как вещественные доказательства занимали и в древнерусском законодательстве. В «Русской Правде» по поводу этих следов говорилось: «Аже придет кровав мужь на двор или синь, то видока ему не искати», т. е. если придет избитый до крови или синяков человек, то свидетелей искать ему не нужно.

Однако «читать» следы крови долго не умели, что нередко вело к серьезным судебным ошибкам. Наблюдая такие ошибки, Ф. М. Достоевский описал их в романе «Братья Карамазовы». Самой тяжелой уликой против Мити Карамазова, обвиненного в убийстве своего отца, оказались обнаруженные на нем обильные следы крови. Их приняли за кровь убитого Федора Павловича Карамазова, а между тем в действительности кровь принадлежала слуге Григорию, которого Митя ранил, убегая из сада. Настоящим же убийцей Федора Карамазова был Смердяков. В наши дни наука может предупреждать подобные ошибки. Если бы экспертиза установила, что кровь Федора Карамазова и кровь, обнаруженная на Дмитрие Карамазове, разных групп, обвинение в отцеубийстве отпало бы совершенно.

Говоря о следах крови, нельзя не вспомнить русского драматурга А. В. Сухова-Кобылина, автора знаменитой трилогии «Картины прошедшего» («Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина»). Неправедливое обвинение его в убийстве своей любовницы Луизы

Симон-Деманш также основывалось на следах крови как на уликах.

А. В. Сухово-Кобылин познакомился с Симон-Деманш в 1841 г. в Париже. Вскоре после возвращения его в Москву туда по настоянию Сухово-Кобылина приехала и Симон-Деманш. Возникшая между ними связь продолжалась около девяти лет. На средства Сухово-Кобылина Симон-Деманш приобрела в Москве винный погреб и благодаря этому вступила в купеческое сословие. С крепостными Сухово-Кобылина, находившимися при ней в качестве прислуги, Симон-Деманш обращалась далеко не ласково: по их свидетельству, «бывала из своих рук». 7 ноября 1850 г. Симон-Деманш неожиданно для всех исчезла. Обеспокоенный этим обстоятельством, Сухово-Кобылин заявил об ее исчезновении обер-полицмейстеру. Начались полицейские розыски. Уже 9 ноября пристав Пресненской части донес обер-полицмейстеру о том, что в районе Ваганькова кладбища обнаружено «мертвое тело женщины неизвестного происхождения». Как выяснилось, это и был труп Симон-Деманш.

Наружный осмотр трупа показал, что у Симон-Деманш перерезано горло, а на шее имеется вдавленный рубец. Платье запачкано кровью. Кроме того, при вскрытии трупа был обнаружен перелом трех ребер.

Как только весть о событии распространилась по Москве, возникли слухи о том, что убийцей Симон-Деманш является Сухово-Кобылин. Шептались, что покойная ему надоела, что у него появилась новая привязанность. Соперницей Симон-Деманш называли Надежду Нарышкину. Рассказывали, что убийство произошло в доме Сухово-Кобылина, где Симон-Деманш застала своего возлюбленного вместе с соперницей. Во время бурного объяснения с неожиданно появившейся любовницей взбешенный Сухово-Кобылин будто бы нанес ей удар в висок тяжелым подсвечником. Удар оказался смертельным, и, чтобы скрыть следы совершенного преступления, Сухово-Кобылин якобы приказал дворовым вывезти труп на окраину города.

Эти слухи особенно укрепились после того, как полиция произвела осмотр дома Сухово-Кобылина. В результате осмотра в одной из комнат нашли два подозрительных пятна. Одно из них, по описанию лиц, про-

изводивших осмотр, было продолговатое, в виде распустившейся капли, другое величиной с пятикопеечную серебряную монету, разбрызганное. Пятна крови были найдены также в сенях и на ступеньках крыльца дома.

Полиция обратилась в Медицинскую контору с требованием произвести исследование обнаруженных пятен и подтвердить, действительно ли они кровавые, когда они возникли и принадлежит ли эта кровь человеку.

Произведя исследование, Медицинская контора ответила, что ей не удалось определить химический состав пятен, обнаруженных в комнате, «по причине незначительности того вещества, из которого эти пятна состоят». Не смогла Медицинская контора дать положительный ответ и относительно пятен, найденных в сенях и на крыльце дома. В заключении конторы по поводу этих пятен говорилось: «Что же касается вопросов, человеческая ли кровь на кусках дерева или нет и к какому именно времени должно отнести появление кровавых пятен, то решение этих вопросов лежит вне границ, заключающих современные средства науки».

В те годы действительно не могли еще отличить кровь животного от крови человека. Тем более ничего не было известно о групповой принадлежности крови. Благодаря этому обстоятельству у судебных чиновников царской России была возможность толковать факты обнаружения крови по своему усмотрению, а часто и к своей выгоде.

Серьезное значение придавалось пятнам крови и в деле Сухово-Кобылина. По существу именно они считались особенно важной уликой, якобы свидетельствующей о виновности Сухово-Кобылина. Обвинение в убийстве Симон-Деманш тяготело над ним около семи лет. Более того, даже в наше время встречаются еще люди, сомневающиеся в его невиновности. Одни осторожно утверждают, что «мы и сейчас не знаем, кто убил Симон-Деманш»,¹ другие говорят прямо, что Сухово-Кобылин был причастен к убийству Симон-Деманш.²

В разъяснении обстоятельств смерти Симон-Деманш большую роль сыграл видный советский судебный ме-

¹ См.: И. Т. Голяков. Суд и законность в художественной литературе. М., Госюриздат, 1959, стр. 138.

² См.: Л. Гроссман. Преступление Сухово-Кобылина. Л., Изд. «Прибой», 1927.

дик, профессор Н. В. Попов. Спустя восемьдесят лет после убийства он провел научную экспертизу по сохранившимся материалам уголовного дела. В результате произведенного исследования ему удалось установить, что смерть Симон-Деманш произошла вовсе не от удара подсвечником, в чем обвинялся Сухово-Кобылин, а от асфиксии (удушения) вследствие сдавливания шеи петлей, сделанной из полотенца, платка, шарфа или тому подобного предмета. Горло Симон-Деманш, по мнению Н. В. Попова, было перерезано после ее смерти. Поэтому, как доказал Н. В. Попов, пятна крови, обнаруженные в доме Сухово-Кобылина, не имели никакого значения для дела.¹

В наши дни существует множество разработанных наукой способов для определения, являются ли обнаруженные пятна следами крови. Они могут быть подразделены на четыре группы: а) химические, б) морфологические, в) микрокристаллические, г) спектральные. Одни из них вполне точные, другие менее точные (ориентировочные или предварительные).

Вначале для распознавания следов крови пользовались химическими и морфологическими способами. Первые из них основаны на химических реакциях, происходящих при воздействии на кровь теми или иными реактивами, например перекисью водорода, бензидином и т. д. (при воздействии перекисью водорода происходит вспенивание крови, а при воздействии бензидином она окрашивается в синий цвет).

Морфологические способы заключаются в отыскании в подозрительном пятне красных кровяных шариков (эритроцитов). Перед микроскопическим исследованием подозрительное вещество в этих случаях обрабатывается раствором едкой щелочи или другим реактивом. Химический способ в настоящее время применяется для предварительных исследований, производимых на месте происшествия. Морфологический же способ утратил свое значение и используется лишь в редких случаях при лабораторных исследованиях.

Применение более совершенных микрокристаллических способов стало возможным лишь после того, как

---

¹ См. заключение проф. Н. В. Попова в приложении к книге В. Гроссмала «Дело Сухово-Кобылина». М., Гослитиздат, 1936.

ученые открыли способность красящего вещества крови образовывать под воздействием некоторых веществ характерные формы кристаллов. Обнаружение подобных кристаллов при микроскопическом исследовании является достаточно верным доказательством наличия крови. Наиболее часто для указанных целей используются кристаллы солянокислого гемина и гемохромогена. Первые получаются при смешении соскоба крови с поваренной солью и ледяной уксусной кислотой, вторые при применении так называемого реактива Такаима, представляющего собой смесь перидина, натриевой щелочи и раствора глюкозы.

Широкое применение для указанных целей получили спектральные методы исследования. Установление присутствия крови при этом исследовании основано на способности красящего вещества крови и его производных поглощать волны света определенной длины, давая при этом характерные спектры (полосы поглощения).

Если ученые долго не могли дать следственным и судебным органам точного ответа на вопрос — является ли данное вещество кровью, то еще более длительное время они не в силах были ответить на вопрос — кому принадлежит найденная кровь: животному или человеку. Научные способы определения вида крови были открыты в 1899 г. русским ученым Ф. Я. Чистовичем, разработавшим метод так называемой белковой преципитации (осаждения чужеродного для организма белка). С помощью реакции Ф. Я. Чистовича стало возможным отличать белок одного вида животного от белка другого вида. Основой для этого служат специфические для каждого вида животных вещества (так называемые антигены), находящиеся в сыворотке крови.

В 1901 г. открытие специфических свойств крови было применено немецким ученым Уленгутом для судебно-медицинских целей. Со времени открытия Чистовича—Уленгута количество судебных ошибок значительно уменьшилось.

Скоро учеными был сделан и еще один важный шаг. Чешскому врачу Яну Янскому в 1907—1908 гг. удалось разделить кровь у людей на четыре группы, а позднее, кроме того, были открыты типовые различия крови. В настоящее время наука уже приближается к определению индивидуальной принадлежности крови. Теорети-

чески такая возможность уже существует, хотя и не может еще быть реализована из-за отсутствия необходимых сывороток. Во всяком случае все ученые согласны, что уже сейчас кровь людей можно разделить на 300 000 разновидностей, а некоторые из них утверждают, что число подобных разновидностей уже превышает 1 000 000. Очень большое значение имеет открытие групповых свойств в таких выделениях человека, как слюна, пот, сперма и т. д. Группы указанных веществ аналогичны группам крови.

О практическом значении упомянутых научных открытий можно судить по описанному ниже случаю из следственной практики.

Несколько лет тому назад жители города Уфы были взволнованы убийством Зои К. Преступление было совершено среди белого дня, но свидетелей его не оказалось. Убийце удалось укрыться от людских глаз.

Зоя К. работала кассиршей в магазине. День был воскресный, и магазин торговал особенно бойко. К концу торговли выручка составила около 50 000 руб. (в старом масштабе цен). Они были почти полностью похищены. Для совершения преступления убийца избрал тот час, когда Зоя К. готовилась к сдаче денег инкассатору Госбанка. В это время она, как всегда, оставалась в помещении одна, закрывшись изнутри в конторе магазина.

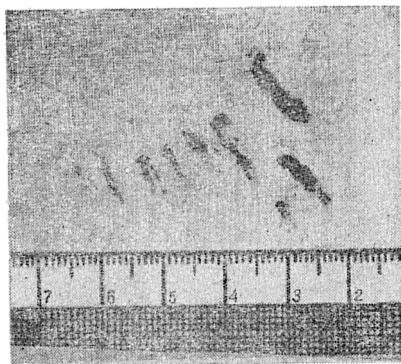
Убийство обнаружили лишь на следующий день. Пришедшие на работу сотрудники магазина увидели труп Зои К., который лежал в конторе вниз лицом в луже крови. Ни к чему не прикасаясь, сотрудники магазина сообщили о происшествии в прокуратуру. На место преступления вскоре прибыли следователь, судебно-медицинский эксперт и работники милиции.

Осматривая место преступления, они не оставили без внимания ни одной мелочи. Их интересовало решительно все: брошенная на пол спичка, прилипший к одежде волосок и т. д. Особое внимание следователя тов. Каневского привлекли документы, находившиеся в ящике стола. На них имелись брызги и мазки крови, а на чистом листе бумаги, лежавшем на дне ящика, оказалась большая капля крови. Чья это кровь? В ящике стола, судя по обстановке, находились деньги, и поэтому кровь на документах скорее всего принадлежала убитой. Но как попала ее кровь на бумагу, лежавшую на дне ящика?

Капля крови могла попасть туда лишь в момент, когда преступник вытаскивал из ящика деньги. А если это предположение являлось правильным, значит у преступника на лице или на руках находилась кровоточащая ранка. Значит, надо искать того, кто такую ранку имеет. Убийство мог совершить лишь человек, которому Зоя К. спокойно открыла дверь. Надо было выяснить, нет ли среди сотрудников магазина человека, имеющего свежие ранения на руках или на лице. Оказалось, что такой человек есть. Это был рабочий магазина Рашид Г. На левой руке у него недавний порез. Но Рашид Г. в день убийства Зои К. ушел из магазина с разрешения директора за несколько часов до окончания торговли. Уже в три часа дня, по его словам, он находился в другом конце города. Появление раны на руке Рашид Г. объяснил тем, что он порезал руку еще за неделю до убийства при открывании ящика с товаром. В подтверждение этого факта Рашид Г. сослался на свидетелей — продавцов магазина. Они подтвердили, что подобный случай действительно произошел, но только порез был на другой руке. Судебно-медицинский эксперт пришел к заключению, что порез, обнаруженный на левой руке Рашида Г., ни по времени его происхождения, ни по характеру и расположению раны ничего общего не имеет с тем порезом, о котором он рассказывает.

Биологическая экспертиза установила, что капля крови на листе бумаги и кровь Рашида Г. имеют одну группу. Но ведь это еще не доказывает вины Г. Есть еще миллионы людей, у которых аналогичным образом совпадают группы крови. Конечно, это еще не доказательство вины Рашида Г., но... это одна из косвенных улик, совокупность которых способна убедить самых строгих и скептических судей. Такие улики были следователем собраны. Поняв после этого, что отрицание вины бесполезно, преступник признался в убийстве Зои К. и в хищении денег. Он рассказал, как вошел в доверие К. путем оказания ей различных мелких услуг, как, задумав совершить преступление, он создал себе искусственное «алиби», как, вернувшись после ухода из магазина обратно, он прятался в сенях с остро отточенным ножом в кармане. Когда ушел последний продавец магазина, Г. постучался в дверь конторы. Узнав его по голосу, Зоя К. открыла дверь. Через несколько минут убийство совер-

шилось. Г. нанес своей жертве тринадцать ранений. Он все боялся, что Зоя оживет, и поэтому продолжал наносить раны даже после того, как наступила ее смерть. Были найдены и деньги, вместе с ножом спрятанные в земле за оградой дома, в котором проживала мать Рашида Г.

а

б

Рис. 5. Помарки крови на куске материи, обнаруженном на месте преступления (а), и царапины на лице А., задержанного по подозрению в совершении преступления (б).

Расскажем еще об одном преступлении, в котором кровь сыграла роль основной улики, изобличившей преступника. В этом случае помарки крови на материи воспроизвели форму и расположение ран на теле убийцы. Произошло это при следующих обстоятельствах: молодая девушка Н. была найдена задушенной в своей квартире. При осмотре места происшествия на полу комнаты был обнаружен небольшой кусок белой материи с помарками крови. Так как на трупe Н. не оказалось ран, возникло предположение, что помарки на куске материи произошли от ран, которые Н. причинила преступнику в момент борьбы с ним. Так в действительности и оказалось. Подозрение в совершении преступления пало на А., который вскоре был задержан. Уже один взгляд на него усиливал возникшее подозрение. На лице у А. имелись свежие царапины, по своим размерам и взаимному расположению напоминавшие помарки, оказавшиеся на

куске материи, изъятом с места убийства. Но первое впечатление могло быть ошибочным. Надо было убедиться в том, что оно не обманывает. Для этого потребовалось тщательное экспертное исследование помарок и царапин, которыми они были оставлены. Эксперт-криминалист убедительно доказал, что форма и расположение помарок на материи воспроизводили форму и расположение царапин на лице А. Заключение эксперта послужило веской уликой, изобличившей А. в убийстве. Как позднее показал обвиняемый, Н. была задушена им при попытке ее изнасиловать. Оказывая сопротивление насильнику, Н. до крови оцарапала ему лицо. Утирая кровь с лица, убийца приложил к царапинам кусок белой материи, лежавшей на туалетном столике, после чего машинально бросил этот кусок на пол. Преступление было бы, конечно, раскрыто и без этого куса материи, но обнаружение его, несомненно, ускорило раскрытие убийства.

«НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ

Биограф известного американского физика Роберта Вуда Вильям Сибрук рассказывает в своей книге, что в американских газетах нередко появлялись огромные заголовки вроде: «Доктор Вуд открыл тайну новой смертоносной бомбы», «Знаменитый ученый из университета Джона Гопкинса помогает полиции» или просто: «За расследование взялся Вуд».

Далее Сибрук приводит ряд интересных исследований, произведенных в лаборатории Вуда, при помощи которых раскрывались очень запутанные уголовные дела.¹

Обращение в таких случаях к ученым вполне естественно. Для того, чтобы понимать немую речь вещей, требуются специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле. Поэтому из кабинета следователя или судьи вещественные доказательства и попадают в лаборатории ученых. В наше время это происходит

---

¹ В. Сибрук. Роберт Вуд, современный чародей физической лаборатории. М., Физматгиз, 1960, стр. 262.

без большого труда. Существует довольно значительная сеть научно-исследовательских институтов и лабораторий судебной экспертизы, в которых работают сотни ученых, специально посвятивших себя изучению «немых свидетелей» преступлений. В прошлом дело обстояло по-другому. До конца XIX века в России вообще не существовало криминалистических экспертных учреждений, а затем благодаря инициативе и стараниям ученого Е. Ф. Буринского в Петербурге открылась одна-единственная лаборатория, занимавшаяся, главным образом, исследованием документов. Но и эта лаборатория первые три года содержалась на частные средства ее организатора. Лишь в 1912—1914 гг. были созданы кабинеты научно-судебной экспертизы в Петербурге, Киеве, Москве и Одессе. Однако круг исследований, производившихся в этих кабинетах, оставался сравнительно небольшим. Биологические и многие другие исследования в них не производились. Поэтому следователи и судьи довольно часто были вынуждены обращаться к помощи ученых, работавших в Академии наук, в высших учебных заведениях и т. д. Когда исследования были сложными, к производству их во многих случаях привлекались видные ученые: Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, Н. Н. Зинин, Н. Д. Зелинский, Н. И. Пирогов, А. Н. Крылов и другие всемирно известные ученые. О нескольких таких исследованиях и будет рассказано ниже.

Начнем рассказ с экспертизы, произведенной выдающимся русским химиком А. М. Бутлеровым. В 1874 г. в Петербурге произошел грандиозный пожар. Сгорела огромная паровая мельница, принадлежавшая некоему Кокореву, но находившаяся в аренде у «короля» Каляшиниковской хлебной биржи — миллионера Овсянникова.

Расследование обстоятельств пожара показало, что причиной его явился умышленный поджог. Обвинение в нем пало на Овсянникова. Однако мало кто верил, что он будет осужден. Овсянников слыл личностью чуть ли не легендарной. За ним числилось уже около пятнадцати уголовных дел, но все они кончились для него благополучно. Во всех случаях Овсянников был лишь «оставлен в подозрении». На взятки он не скупился. Об этом было известно не только в России, но и за гра-

ницей. Когда Овсянникова арестовали, немецкие газеты писали, что «*двенадцатикратный* миллионер Овсянников в заключении долго находиться не будет и скоро станет известно об освобождении *одинадцатикратного* миллионера Овсянникова».

Однако на этот раз Овсянников все же был осужден. Большую роль в этом сыграли «немые свидетели» преступления, к исследованию которых были привлечены крупные русские ученые.

Химическую экспертизу по делу Овсянникова возглавлял А. М. Бутлеров. Необходимость в ней возникла потому, что обвиняемый и его защитник ссылались на случайную причину пожара, объясняя возникновение его взрывом мучной пыли. Нужно было решить, мог ли такой взрыв произойти.

Не было ясности и в другом вопросе: какова вообще воспламеняемость муки и мучной трухи? Способны ли они гореть и переносить огонь из одного помещения в другое? Эксперты произвели ряд экспериментов, доказавших, что мука и мучная пыль могут загораться лишь при непосредственном соприкосновении с огнем. С трудом загораясь, они долго тлеют, а появившееся пламя распространяется в них очень медленно.

Таким образом, мука и мучная пыль с помощью ученых «рассказали» суду о своих свойствах, исключаящих возможность их взрыва. Полученные при опытах данные опровергли версию о случайности пожара, а суд установил, что действительной его причиной явился поджог, который по указанию Овсянникова совершил его приказчик Левтеев.

Многokrатно выступал в качестве эксперта великий русский ученый Д. И. Менделеев. В 1871 г. к нему обратились в связи с необычайным происшествием в Петербургской сухопутной таможне, где произошло самовозгорание тюков с шелком, прибывших из-за границы. Владелец шелка выражал сомнение в возможности подобной причины пожара, но исследование подтвердило ее.

Случаи самовозгорания пряжи и тканей наблюдались в России и раньше. Так, например, в 1860 г. на Ростовской ярмарке у всех на глазах воспламенился воз с красной бумажной пряжей, что также было предме-

том экспертизы Д. И. Менделеева. Неоднократно великий ученый привлекался к исследованию подложных документов.

Длительное время исследованием вещественных доказательств занимался другой выдающийся русский химик, академик Н. Д. Зелинский, руководивший до Октябрьской революции Центральной химической лабораторией Министерства финансов. По поручению следственных и судебных органов он неоднократно вместе с лаборантами производил исследования различных жидкостей: спирта, одеколона, политуры и т. д.

Ряд интересных судебных экспертиз провели известные русские биологи Н. А. Холодковский, Л. С. Берг, С. Г. Навашин и другие.

Заслуживает, например, внимания экспертиза, произведенная в 1911 г. Н. А. Холодковским и Л. С. Бергом по уголовному делу Лукьянова, который обвинялся в убийстве семьи Талдыковых.

Из дома убитых в числе прочего были похищены «копчушки», а при обыске в доме Лукьянова была обнаружена порожняя бутылка из-под водки с приставшими к ней снаружи двумя мелкими рыбьими чешуйками. Перед следователем встал вопрос — не происходят ли эти чешуйки от «копчушек», похищенных в доме Талдыковых? За разрешением возникшего вопроса он обратился в Медицинский совет. Исследование чешуек было поручено известному химику Н. П. Ивановскому. В своем заключении он указывал, что чешуйки «свойственны мелким рыбам из тех видов их, которые продаются в копченом виде и происходят от рыбы, подвергшейся холодному способу копчения».¹ Однако следователя подобное заключение не удовлетворило. Он вторично обратился в Медицинский совет с просьбой решить вопрос — от какой именно рыбы происходят исследуемые чешуйки? Но Медицинский совет не нашел в своем составе лиц, достаточно компетентных для ответа на него. Поэтому решили обратиться к виднейшему зоологу того времени, проф. Н. А. Холодковскому. Но и он не взялся самостоятельно решить этот вопрос, а привлек к производству экспертизы зоолога Акаде-

---

¹ ЦГИА, ф. 1294, оп. 10, ед. хр. 1720, л. 18.

мии наук, специалиста по ихтиологии Л. С. Берга.¹ После совместного исследования ученые пришли к единому мнению, что чешуйки принадлежат рыбе густере (родственной лещу). В отличие от первоначального заключения Н. П. Ивановского, эксперты признали, что «рыба, которой принадлежат чешуйки, была по всей вероятности не копченая, а соленая или даже вареная». Нетрудно себе представить, какой поворот в судьбе обвиняемого могло произвести новое заключение экспертов.

Не лишено интереса исследование, произведенное проф. С. Г. Навашиным по делу Бейлиса. В числе других вещественных доказательств по этому делу фигурировали два куска дерева с вырезанными на них надписями «26 мар». Дата исполнения указанных надписей-вырезов была для дела не безразличной. Полицейский агент Красовский утверждал, что одну из них он сделал 12 марта 1912 г., но защита называемую им дату ставила под сомнение. Для выяснения спорного вопроса было решено прибегнуть к экспертизе. В качестве эксперта был приглашен специалист в области цитологии и эмбриологии растений, профессор Киевского университета С. Г. Навашин. Произведенное исследование доказало, что сомнение защиты имело основание. Эксперт установил, что интересовавшая суд и стороны надпись была сделана задолго до 12 марта 1912 г. Таким образом, научное исследование вещественного доказательства разоблечило ложное показание свидетеля-полицейского.²

Много талантливых экспертиз произвел известный русский криминалист Е. Ф. Буринский, но особенно большую славу принесли ему две первые экспертизы, произведенные в 1889 г. В конце этого года в Петербургском окружном суде слушалось уголовное дело железнодорожных кондукторов Королева, Ютило и других, обвинявшихся в сбыте поддельных железнодорожных билетов. Дело было запутанным, а невольными виновниками этого оказались эксперты, производившие пер-

¹ Л. С. Берг — крупнейший специалист по ихтиологии, географ и натуралист. В советские годы являлся членом Академии наук СССР.

² Дело Бейлиса. Стенографический отчет, т. II. Киев, 1913, стр. 150.

воначальное исследование железнодорожных билетов. Они утверждали, что билеты, признаваемые управлением дороги поддельными, печатались в той же типографии, где печатались настоящие билеты. Поэтому при первом рассмотрении дела обвиняемые были оправданы. Дело слушалось вторично после отмены оправдательного приговора Сенатом. На этот раз в качестве эксперта был приглашен Е. Ф. Буринский, только что за два месяца до этого случая блестяще проводивший первую в России судебнофотографическую экспертизу по другому делу о подлоге железнодорожных документов. С немалым успехом прошла и вторая экспертиза. Е. Ф. Буринский неопровержимо доказал, что билеты на самом деле являются поддельными и что они не печатались в типографии, а искусно изготовлялись ручным способом посредством вальцов и тонкой пластинки.

В наши дни посылки с вещественными доказательствами нередко идут в адрес лаборатории пластической антропологической реконструкции при Институте этнографии Академии наук СССР. Эту лабораторию возглавляет известный советский антрополог, археолог и скульптор М. М. Герасимов. Направляемые сюда «вещественные доказательства» являются необычными. В посылках следователи шлют М. М. Герасимову... человеческие черепа и просят ученого восстановить по ним лицо погибшего человека.

Насколько это бывает важно, показывает такой случай: весной 1940 г. в Волгограде исчезла молодая женщина Валентина К. Все поиски ее окончились неудачей. В августе того же года за городом на острове Сарпинском были найдены части скелета женщины. Возник вопрос — чей это скелет, не является ли он скелетом исчезнувшей Валентины К.? За ответом на вопрос следователь т. Киркина обратилась к М. М. Герасимову. Она направила ученому найденный череп и попросила его восстановить по нему лицо погибшего человека.

Выполнение этого поручения крайне затруднялось тем обстоятельством, что у черепа отсутствовала челюсть. Однако М. М. Герасимов успешно справился с задачей. Голова погибшей женщины была реконструирована. После завершения работы специальная комиссия, возглавляемая доктором исторических наук Б. Б. Пиотровским, сравнила реконструированную го-

лову с хранившимся у них портретом погибшей Валентины К. и установила несомненное их сходство.

Виновным в убийстве Валентины К. суд признал ее мужа. Заключение М. М. Герасимова и фотография, снятая с восстановленной головы, фигурировали в суде в качестве доказательств, удостоверяющих личность погибшей. Однако Верховный суд СССР не согласился с приговором суда. Анализируя собранные по делу доказательства, Уголовно-судебная коллегия указывала в своем определении, что восстановление лица по черепу может быть расценено только как искусство, художественная работа, а не как «техническая экспертиза».

Таким образом, первая экспертиза М. М. Герасимова не получила признания как судебное доказательство. Но на этом его судебно-экспертная деятельность не прекратилась. За два последующих десятилетия М. М. Герасимову удалось доказать, что разработанный им метод восстановления лица по черепу является достаточно объективным и может с успехом использоваться в криминалистической практике. Научной его основой служат закономерности соотношений мягкого покрова лица и черепа. Использование их позволяет осуществить портретную реконструкцию, «по которой возможно очевидное опознание — идентификация определенного лица на основании маски, воспроизведенной... по черепу».¹

Ярким примером, подтверждающим сказанное, является случай опознания М. Х. по черепу, восстановленному М. М. Герасимовым.

Весной 1950 г. в стоге соломы близ деревни Денисьево Ухтомского района Московской области нашли полуразложившийся труп неизвестного мужчины. Состояние останков исключало возможность достоверного опознания по ним личности погибшего. Оставалась надежда на применение реконструкции по методу М. М. Герасимова. И она полностью оправдалась. М. М. Герасимов воспроизвел голову погибшего, оказавшегося молодым человеком в возрасте 24—25 лет. Реконструированная голова была сфотографирована, и

---

¹ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 15—16.

размноженные фотоснимки были разосланы с целью опознания неизвестного. Скоро личность его была установлена. Гражданка Ф. Х. в предъявленной ей фотографии узнала своего сына М. Х., 1925 г. рождения. Место работы и жительства М. Х. совпали с местом обнаружения трупа. После этого никаких сомнений в личности погибшего не осталось.

a

б

Рис. 6. Фотографии трупа М. Х. (а) и воспроизведенного лица по черепу (б).

Но произведенная реконструкция может быть проверена не только путем опознания. Ученые разработали и совершенно объективные методы такой проверки, в частности способ так называемого фотосовмещения, при котором череп «вписывается» в фотографию человека, которому он принадлежал. По поводу этого способа М. М. Герасимов пишет: «Более чем 20-летний опыт работы в области восстановления лица по черепу убеждает меня в том, что ни один череп не может быть правильно вписан в фотографию лица другого человека. Индивидуальная степень асимметрии, различные индивидуальные отклонения от нормы и, наконец, просто тотальные размеры могут совместиться только в одном

случае, -- когда череп принадлежит тому же субъекту, что и фотография».¹

В настоящее время восстановление лица по черепу производится не только М. М. Герасимовым, но и его учениками и последователями. Сошлемся на практику ленинградского ученого В. П. Петрова, которому неоднократно удавались подобные работы.

НЕВИДИМЫЕ ЛУЧИ — ПОМОЩНИКИ ПРАВОСУДИЯ

Ученые давно установили, что наряду с видимыми лучами света существуют невидимые излучения, обнаружить которые можно лишь на основе вызываемых ими физических явлений.

В 1800 г. английский астроном В. Гершель за границей красного цвета видимого спектра открыл с помощью термометров существование невидимых инфракрасных лучей. В следующем году немецкий ученый И. Риттер и английский ученый У. Волластон обнаружили ультрафиолетовые лучи по действию их на хлористое серебро. В конце 1895 г. выдающийся немецкий физик В. Рентген открыл еще одни невидимые лучи, названные в его честь рентгеновыми. С открытием в конце XIX века Пьером и Марией Кюри радиоактивности стало известно и еще одно электромагнитное излучение: гамма-лучи.

Однако прошло много времени, прежде чем невидимые излучения нашли применение в области правосудия. Такая возможность представилась лишь после того, как ученые разных стран изучили свойства и особенности невидимых лучей.

Одним из первых обратил внимание на криминалистическое значение невидимых лучей выдающийся американский физик Р. Вуд. В первом десятилетии XX века он разработал метод фотографирования документов в ультрафиолетовых лучах, с помощью которого стало возможным открывать следы подлогов в документах, ранее часто остававшиеся незамеченными.

Отмечая заслуги американского ученого в этой области, академик С. И. Вавилов писал: «В современной

¹ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 148.

технике имя Вуда навсегда связано с фотографированием в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, с сигнализацией этими лучами, применением их для аналитических и детективных целей».¹

Ученые выяснили, что ультрафиолетовые лучи подчиняются общим законам поглощения, отражения и преломления лучистой энергии и вместе с тем имеют важные особенности. Оказалось, например, что ультрафиолетовые лучи поглощаются и отражаются рядом веществ иначе, чем видимые лучи. Одни вещества обладают свойством поглощать ультрафиолетовые лучи, другие, наоборот, беспрепятственно пропускают ультрафиолетовые лучи, в то же время непрозрачны для лучей видимого света.

Подвергаясь воздействию ультрафиолетовых лучей, многие вещества люминесцируют, т. е. начинают сами светиться так называемым холодным светом. Благодаря указанным особенностям и создавалась возможность активно использовать ультрафиолетовые лучи в судебной экспертизе.

В России ультрафиолетовые лучи впервые были применены с этой целью в 1914 г. видными экспертами-криминалистами С. М. Потаповым и В. И. Фаворским. Вот что по этому поводу говорил В. И. Фаворский на съезде управляющих кабинетами научно-судебной экспертизы, происходившем в 1915 г.: «...Как известно, очень многие тела люминесцируют, будучи подвергнуты действию ультрафиолетовых лучей... Свечение это бывает иногда настолько сильно, что в необходимых условиях может быть не только фотографировано, но даже ясно заметно невооруженному глазу, так что сведенную подпись удается просто читать, поместив документ в полной темноте в поток ультрафиолетовых лучей.

Указанным свойством свечения вытравленного текста Киевский кабинет пользовался, как способом прочтения невидимых надписей. В одном из случаев текст был так тщательно сведен с бумаги, что даже после обнаружения и прочтения его, после того как его удалось восстановить на снимке, на самом документе все-таки глаз не различал никаких следов букв».²

¹ Из предисловия С. И. Вавилова к книге В. Сибрука «Роберт Вуд», стр. 6.

² ЦГИА, ф. 1405, оп. 532, ед. хр. 137, л. 414.

Далее В. И. Фаворский подчеркнул, что изложенный способ прочтения и фотографирования вытравленного текста не имеет ничего общего с общезвестным методом фотографирования в ультрафиолетовых лучах, хотя и служащим для той же цели.

Однако дальнейшего развития начатые исследования не получили. Возобновлены они были лишь в середине двадцатых годов ленинградскими учеными Р. Я. Гасулем и А. А. Сальковым. Первые опыты были проделаны ими с документами, а затем с текстильными изделиями, химическими веществами и т. д.

Опыты оказались настолько удачными, что ультрафиолетовые лучи впоследствии были использованы в экспертной практике. Один из судов Ленинграда привлёк А. А. Салькова в качестве эксперта по гражданскому делу, касавшемуся картины «Бурное море», приписывавшейся кисти Айвазовского. Фабула судебного спора была простой: владелец картины, незадолго перед тем купивший ее, требовал, чтобы продавец взял картину обратно и вернул ему уплаченные за нее деньги. Основанием его требования служили высказанные компетентными лицами сомнения в том, что картина написана действительно Айвазовским. Однако ответчик не признал иска и продолжал утверждать, что картина является подлинным произведением Айвазовского.

Суду пришлось обратиться к помощи экспертов. Была назначена художественная экспертиза, состоявшая из крупных художников. Но и это не помогло решить спор. Мнения экспертов разделились. Двое из них считали картину подлинной, двое других признавали ее подделкой под Айвазовского. После этого суд решил привлечь к экспертизе, кроме художников, эксперта-криминалиста А. А. Салькова. Ему было поручено исследовать подпись, имевшуюся на картине, и ответить, сделана она Айвазовским или является подложной. Однако А. А. Сальков ответил, что произвести такую экспертизу невозможно, так как подписи на картинах обычно не выражают индивидуальных особенностей почерка художника. Но одновременно у него возникла мысль использовать для исследования ультрафиолетовые лучи. Если ранее на картине имелась другая подпись, которая затем была уничтожена, облучение ульт-

рафиолетовыми лучами может открыть этот подлог. Так и случилось. При освещении ультрафиолетовыми лучами подлог открылся. Экспертиза обнаружила прежнюю размазанную подпись, просвечивавшую из-под наложенного на нее слоя краски в виде морской пены. Теперь все стало ясным. Правы оказались те, кто отрицал принадлежность картины кисти Айвазовского.

Для криминалистики периода двадцатых годов это было большим событием, но в наши дни такие «события» давно перестали кого-либо удивлять. Исследования в ультрафиолетовых лучах являются сейчас рабочим методом в любой лаборатории судебной экспертизы.

Вот, например, один из современных случаев исследования вещественных доказательств в ультрафиолетовых лучах. С помощью этих лучей была разоблачена группа преступников, занимавшаяся фабрикацией подложных железнодорожных билетов. Метод их действий был несложен. Они добывали у железнодорожников использованные билеты, вытравливали на них письменный текст и вписывали на этом месте новую станцию назначения. Так, например, билет был выдан на ст. Бар Юго-Западной железной дороги для проезда до станции Ленинград Октябрьской железной дороги. Пассажир спокойно доехал до станции назначения. Билет теперь мог бы быть уничтожен. Но этого не делается. На билете вытравляется старый текст и пишется новый. Станция назначения теперь уже не Ленинград, а Москва, Ленинград же указывается в качестве промежуточного пункта следования. Так как срок годности билета еще не истек, преступник продает его какому-либо легковверному человеку, едущему из Ленинграда в Москву. Для этой цели преступник придумывает благовидный предлог: у владельца билета якобы живет в Ленинграде одинокая тетя, которая внезапно заболела. Он не может бросить старушку в беспомощном состоянии и поэтому вынужден здесь задержаться, билет же приходится продать. У покупателя билета появляется даже жалость. Он с готовностью соглашается помочь. Но... на всякий случай обращается все же к сотруднику вокзала с вопросом — сохранил ли данный билет срок годности. Получив ответ, что срок не истек, покупатель действует теперь уверенно. Он выручает продавца «из беды» и покупает у него билет.

а

б

Рис. 7. Фотографии подлинного железнодорожного билета (а) и поддельного билета, сфотографированного в ультрафиолетовых лучах (б).

Но махинациям преступников скоро был положен конец. Сделать это помогли ультрафиолетовые лучи. Достаточно было эксперту сфотографировать первый же подозрительный билет в ультрафиолетовых лучах, как фотоснимок немедленно разоблачил выдумку преступников. Фиолетовый текст записи на билете при этом пропал, а удаленная запись полностью восстановилась (эксперт Е. Г. Штемпель).

В последние годы наряду с фотографическими методами было уделено внимание созданию приборов и методов, позволяющих при исследовании в ультрафиолетовых лучах преобразовывать невидимые изображения в видимые, подобно тому как несколько ранее это было достигнуто в отношении инфракрасных лучей. Несколько образцов такого рода преобразователей разработал советский криминалист О. М. Готов.

Инфракрасные лучи, хотя и были открыты раньше, чем ультрафиолетовые, практическое применение получили позднее. Лишь в 20-х годах нашего столетия сошлись необходимые предпосылки для широкого использования этих лучей. Изучение инфракрасных лучей показало, что они обладают многими свойствами, имеющими особенно большое значение для применения их в судебно-экспертной практике. Оказалось, например, что инфракрасные лучи способны свободно проникать через такие тела, которые для лучей видимой части спектра являются недоступными: в частности, через бумагу, ткани и тонкие слои других материалов. Инфракрасные лучи по-разному поглощаются и отражаются различными предметами. Значительно менее других лучей они подвержены рассеиванию атмосферой и т. д.

Источниками инфракрасных лучей могут быть любые нагретые тела. Практически для судебно-экспертных целей чаще всего используются электрические лампы накаливания, реже — специальные источники в виде особых ламп. Для выделения инфракрасных лучей применяются специальные твердые или жидкие светофильтры, обладающие свойством пропускать эти лучи и задерживать все остальные. В качестве приемников инфракрасных лучей в большинстве случаев служат фотографические пластинки, сенсibilизированные (специально очувствленные) к этим лучам.

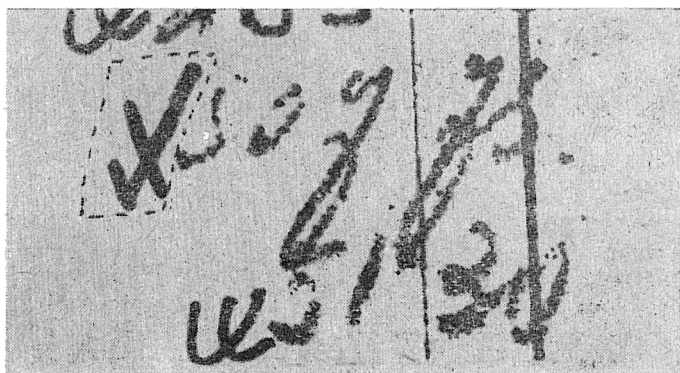
Наряду с фотографированием в инфракрасных лу-

чах в последние годы стали применяться электронно-оптические преобразователи, т. е. приборы, предназначенные для преобразования невидимого инфракрасного изображения в видимое. Такого рода преобразователи сконструировали советский криминалист А. А. Эйсман и инженер Ю. А. Малышев.

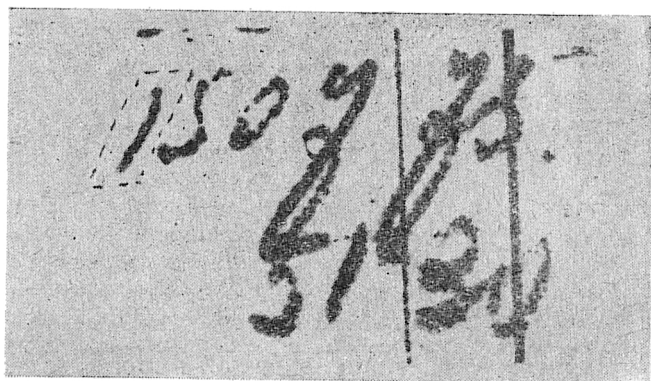
Фотографирование в инфракрасных лучах начало применяться советскими экспертными учреждениями еще в тридцатых годах. Уже тогда при помощи этого метода успешно читались залитые тексты, выявлялись подчистки и другие подлоги в документах. Так, например, в криминалистическую лабораторию Академии наук было прислано несколько облигаций государственного займа, на которые якобы пали крупные выигрыши. Хотя при осмотре облигаций, невооруженным глазом на них нельзя было заметить никаких повреждений, они все же вызвали у работников конторы Госбанка сомнение. В лаборатории Академии наук первоначально попробовали сфотографировать облигации с помощью специальных приемов, но это не открыло на них никаких повреждений. Тогда решили исследовать их в инфракрасных лучах. Этим способом был обнаружен искусный подлог: некоторые цифры номеров серий были подрисованы.

Инфракрасные лучи получили особенно широкое применение за последние два десятилетия. Сейчас нет такого экспертного учреждения, в котором бы они не применялись. Современное их значение для органов правосудия лучше всего покажут несколько случаев из экспертной практики. В Ленинградскую научно-исследовательскую лабораторию судебной экспертизы поступил документ с записями денежного характера. Одна из записей этого документа оспаривалась заинтересованными лицами, утверждавшими, что вместо цифр 507-75 ранее стояли цифры 1507-75. Если утверждение было правильным, оно означало, что сумма записи уменьшена на целую тысячу. Но правильно ли оно?

Впереди цифр стояла «галочка», которой обычно при подсчете отмечают проверенные цифры или строчки. Подобные «галочки» стояли и перед другими цифрами. Документ первоначально сфотографировали обычным способом, а затем в инфракрасных лучах. Картина сразу прояснилась. Инфракрасные лучи раскрыли под-

a

б

Рис. 8. Фотографии документа с поддельной «галочкой» (а) и того же документа, сфотографированного в инфракрасных лучах (б).

лог. «Галочка» действительно скрывала существовавшую ранее единицу, а так как вещество, с помощью которого она была сделана, оказалось прозрачным для инфракрасных лучей, при фотографировании «галочка» пропала. На снимке теперь были видны только цифры, красящее вещество которых для инфракрасных лучей было непрозрачным (эксперт Л. Н. Гаврилов).

Огромное значение в наши дни получила люминесценция, широко используемая в технике, медицине, сельском хозяйстве и т. д. Часто она применяется и в судебной экспертизе. С помощью люминесценции теперь научились открывать тайны, которые раньше надежно хранили «немые свидетели» преступлений.

Люминесценция известна людям с незапамятных времен, но отношение к ней с тех пор сильно изменилось. «Чудо-свет», исходящий от светлячков или гнилушек дерева, вызывал когда-то удивление, а иногда и страх. Сейчас же, конечно, никого не удивляет и не пугает не только светлячок, но и голубой экран телевизора. Эти два явления не случайно поставлены рядом. Они родственны между собой, так как происходят вследствие люминесценции, хотя и различной по своему характеру. Свечение гнилушек объясняется так называемой хемилюминесценцией, а голубой экран связан с действием катодолюминесценции.

Хемилюминесценция и катодолюминесценция в судебной экспертизе применяются редко. При исследовании «немых свидетелей» преступлений используется обычно фотолюминесценция. Сущность этого вида люминесценции заключается в свойстве определенных веществ в известной доле отдавать обратно поглощаемую ими световую энергию в виде светового же излучения. При этом время «хранения» поглощенной энергии у разных тел различно. Одни вещества способны ее аккумулировать, и отдача (испускание) световой энергии происходит у них постепенно. Так, например, абажур, сделанный из пластической массы с введенным в нее сернистым цинком, активированным медью, после включения электрической лампочки способен светиться слабым светом в течение нескольких часов, превращаясь таким путем в удобный ночник.

Такое длящееся свечение называется фосфоресценцией. Другие вещества проявляют способность к све-

чению лишь в момент воздействия на них видимым светом или невидимыми лучами. Так, например, если аурмин, представляющий золотисто-желтый порошок, облучить ультрафиолетовыми лучами, он начнет флуоресцировать (светиться) зеленым светом, а темно-зеленые кристаллы фуксина при облучении их ультрафиолетовыми лучами начинают, наоборот, флуоресцировать оранжевым цветом. Однако как только прекратится воздействие на вещество лучистой энергии, сразу же заканчивается и люминесцирование.

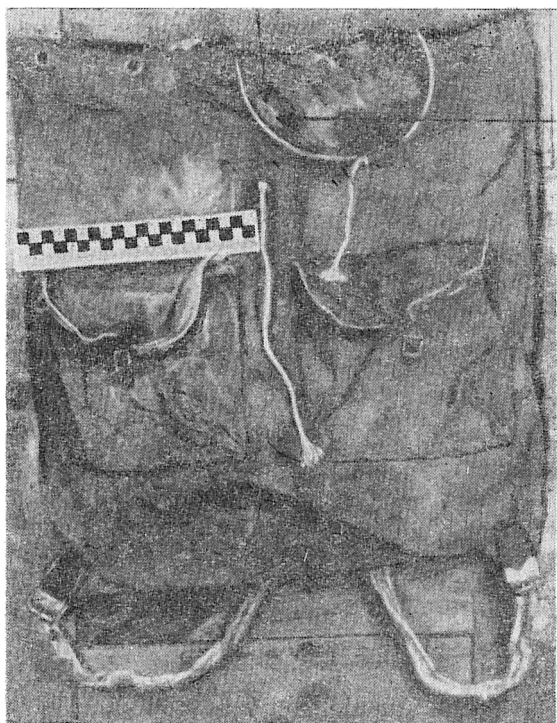
В изучении природы и свойств люминесценции большую роль сыграли советские ученые, в особенности академик С. И. Вавилов, которого с полным основанием можно назвать основоположником люминесцентного анализа в СССР.

В краткой брошюре очень трудно рассказать о всех возможностях, которые люминесценция дает в руки эксперта или следователя. Так, например, при помощи люминесцентного анализа могут быть легко обнаружены различные примеси в муке и других пищевых продуктах. Прекрасно люминесцируют различные загрязнения одежды: мазут, например, — светло-коричневым цветом, трансформаторное масло — светло-голубым, вазелиновое масло — светло-сиреневым цветом и т. д.

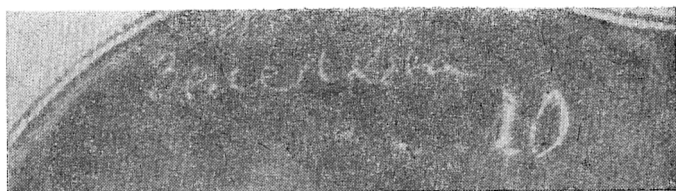
Эффективную роль играет люминесценция в исследовании документов. Так, например, в руки следователя попал документ, выполненный черными чернилами с припиской, сделанной черной же тушью. При обычном осмотре эту приписку можно и не заметить. При исследовании же документа методом люминесценции картина изменится. Чернила будут теперь слабо светиться, а тушь так и останется черной. Приписка станет очевидной.

Красители, применяемые в настоящее время для изготовления синих и фиолетовых чернил, обладают максимальным поглощением в видимой части спектра, и под ультрафиолетовыми лучами их люминесценция остается незаметной. Зато они хорошо люминесцируют под воздействием инфракрасных лучей. Выявление картины инфракрасной люминесценции происходит при фототрафировании на пластинки «Инфрахром».

Вот два примера, показывающие, как инфракрасная

a

б

Рис. 9. Фотографии вещевого мешка, в котором был обнаружен труп ребенка (а), и клапана на мешке с выявленной на нем надписью (б).

люминесценция заставила «немых свидетелей» раскрыть свои тайны.

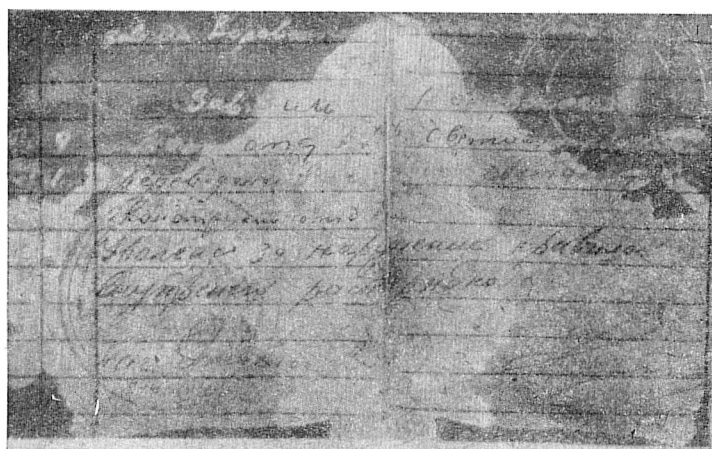
В одном из парков города Л. случайный прохожий обнаружил вещевой мешок, спрятанный кем-то в кустах. Раскрыв мешок, он увидел в нем труп новорожденного ребенка. Было очевидно, что его бросили здесь для того, чтобы скрыть следы совершенного преступления. Но кто это сделал? Как найти преступника? Казалось, что вещевой мешок не раскроет тайны преступления. Во всяком случае преступник на это рассчитывал. Однако расчеты его не оправдались. При тщательном осмотре мешка было замечено, что на верхнем его клапане имелась когда-то надпись, которую старательно смыли. Простым глазом различить содержание уничтоженной записи было невозможно, но в лаборатории судебной экспертизы это сделали.

Исследование в ультрафиолетовых лучах помочь не могло, так как запись была сделана фиолетовыми чернилами, поэтому эксперт М. Я. Урес применил инфракрасную люминесценцию. Клапан сфотографировали на пластинку «Инфра-720» с применением светофильтра КС-19. Невидимое после этого стало видимым. Легко можно было прочитать часть записи «Зеленкова... 10». Это оказалось нитью, которая помогла раскрыть преступление и найти преступника.

Некто О. при поступлении на работу представила трудовую книжку, последние записи в которой прочесть было невозможно. Текст их был старательно залит чернилами. О. объяснила, что это случилось нечаянно. Книжка лежала на столе, а дети во время игры опрокинули на стол чернильницу. Так, по ее словам, возникло пятно. Это объяснение, разумеется, могло быть и правдой. Однако у сотрудника отдела кадров все же возникло сомнение—так ли это было? Честный человек приходит к ним на предприятие или нет? Для того, чтобы решить этот вопрос, одних глаз оказалось мало. Как ни всматривался сотрудник в пятно, оно надежно скрывало имевшийся под ним текст. Пришлось обратиться в лабораторию судебной экспертизы. Эксперт Н. С. Коннова сфотографировала трудовую книжку в инфракрасных лучах. Находившийся под пятном текст «ожил». Благодаря инфракрасной люминесценции его удалось прочитать. Теперь стало ясно, что пятно по-

а

б

Рис. 10. Фотографии трудовой книжки с текстом, залитым чернилами (а), и той же книжки с выявленным текстом (б).

явилось не в результате детской шалости, а было сделано умышленно. С предприятия, на котором О. ранее работала, она была уволена не по сокращению штатов, как утверждала, а за нарушение правил внутреннего распорядка.

По сравнению с ультрафиолетовыми и инфракрасными лучами рентгеновы лучи для исследования вещественных доказательств применяются не так часто. Однако появление портативных рентгеновских аппаратов расширило возможность их использования.

Известная всем большая проникающая способность рентгеновых лучей позволяет использовать их для выявления внутреннего устройства оружия, боеприпасов, замков и других объектов. С их помощью можно легко обнаружить частицы металла в теле человека, в деревянных предметах и т. д. Наряду с методом просвечивания в настоящее время применяются и другие более сложные методы, в частности рентгеновский люминесцентный анализ.

Первым ученым в России, чьи исследования в области рентгеновых лучей имели медицинское и криминалистическое значение, был выдающийся изобретатель радио А. С. Попов. Когда в конце 1895 г. в Россию пришло известие об открытии рентгеновых лучей, оно вызвало живейший интерес среди русских ученых. Заинтересовался новым видом лучей и А. С. Попов, работавший в те годы в Кронштадте. Уже в январе 1896 г. с помощью своего сослуживца С. С. Колотова А. С. Попов изготовил трубку Крукса и соорудил первый отечественный рентгеновский прибор. О работе этого прибора кронштадтская газета «Котлин» сообщала: «Вчера, 5 февраля, мы видели последние снимки, произведенные преподавателем Минного офицерского класса А. С. Поповым при помощи лучей Рентгена... Фотографическая пластинка была заключена в двойном конверте из толстой плотной бумаги черного цвета; снимаемые же предметы: циркули в футляре, ключи, медали, проводники, изолированные бумагой и гуттаперчей, были помещены в бумажной коробке. Несмотря на слабость румкорфовой спирали, пропускавшей ток через трубку, снимки получились прекрасные — очень отчетливые».

На этих опытах А. С. Попов не остановился. Даль-

нейшие рентгенологические исследования имели чисто практический характер. Он задался целью выяснить — можно ли с помощью рентгеновых лучей выявить пулю и ружейную дробь, попавшие в тело человека. Необходимые для этого исследования были проведены в кронштадтском морском госпитале. Результаты их оказались вполне успешными.

В 1898 г. была сделана попытка применить рентгеновы лучи в судебной практике. При рассмотрении в Ревельском окружном суде уголовного дела некоего Юрисона возник вопрос — действительно ли он ранен в ногу дробью или же имеющиеся на ногах ранки объясняются заболеванием, как это утверждал обвиняемый. Один из врачей предложил исследовать ногу с помощью рентгеновых лучей, но Юрисон на это не согласился. Окружной суд и Петербургская судебная палата признали, что при отсутствии согласия обвиняемого исследование не может быть произведено. В связи с этим случаем «Судебная газета» писала: «Если наука нам дает средства разрешить искомое полнее и всестороннее, достигнуть благодаря этому более правосудного решения, то едва ли возможно принести в жертву высшие интересы юстиции интересам частным — чисто личным».¹ Но выступление газеты прошло бесследно. Рентгеновы лучи так и не получили применения в судах царской России. Лишь в советское время исследование в рентгеновых лучах заняло свое место в числе научных методов, применяемых в судебно-медицинской и криминалистической экспертизах.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОРГАНАХ БУРЖУАЗНОГО ПРАВОСУДИЯ

Органы полиции и юстиции в капиталистических странах охотно пользуются научными методами следствия, но делают это в своих классовых интересах. Достижения науки и техники находят там применение прежде всего при расследовании политических преступлений. Вот что писал, например, в 1903 г. один из чинов дореволюционной русской прокуратуры: «Примене-

---

¹ «Судебная газета», 20 сентября 1898 г., № 38.

ние фотографии даст возможность, снабдив аппаратами филеров и чинов полиции, добыть наилучшие доказательства, как для розысков и следствия, так и для суда, виновности подлежащих лиц в учинении преступных действий скопом, равно как и в отдельных преступных деяниях, например в разбрасывании в толпе прокламаций, произнесении речей, несении флагов и т. п.».

Также в первую очередь к политическим преступникам применялась в царской России и дактилоскопия. Отмечая это обстоятельство, бывший товарищ министра юстиции Веревкин на одном из совещаний, происходивших в 1911 г., заявил: «До последнего времени наибольшее внимание полиции было обращено на регистрирование пальцевых отпечатков политических преступников».¹

В реакционных же целях в наше время используются пальцевые отпечатки в США и в других капиталистических странах. Американскому рабочему, уволенному с работы за участие в забастовке, трудно найти новую работу, если его пальцевые отпечатки имеются в картотеке «неблагонадежных».

В буржуазных государствах широко практикуется и прямая фальсификация доказательств. В этой связи следует вспомнить некоторые дела из дореволюционной русской практики. Глубокое возмущение передового русского общества вызвало в конце прошлого века так называемое «мултанское дело» — провокационный процесс группы крестьян-удмуртов — жителей села Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии. Цель этого процесса — разжигание межнациональной розни среди трудящихся. Крестьяне обвинялись в убийстве нищего Матюнина с целью принесения человеческой жертвы языческим богам. Доказательства по этому обвинению беззастенчиво фальсифицировались уже с первых шагов следствия. Когда на месте обнаружения трупа Матюнина были найдены кровавые следы, которые могли помочь отыскать действительного убийцу, полиция дала распоряжение их уничтожить. Но зато когда при осмотре шалаша, принадлежавшего одному из обвиняемых (Моисею Дмитриеву), было обнаружено, что земляной пол сырой, полиция и следователь поспешили

---

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 531, ед. хр. 960, л. 364.

объявить, что это остатки смытой крови. И несмотря на то, что при последующих исследованиях, включая применение методов спектрального анализа, следов крови на земле обнаружено не было, «смытая кровь» фигурировала в обвинительном акте в числе «доказательств» убийства.

В деле мултанских вотяков подтасовка и искажение фактов не ограничились описанными примерами. Грубой фальсификацией являлось все это дело. Лишь в результате активного протеста прогрессивных сил русского общества и страстного выступления в защиту обвиняемых В. Г. Короленко, после трехкратного судебного разбирательства обвиняемые крестьяне были оправданы.

Еще более позорным было дело Бейлиса, слушавшееся в 1913 г. в Киеве. Бейлис обвинялся в убийстве, совершенном в ритуальных целях. Чтобы доказать ритуальный характер преступления, необходимо было обосновать, что повреждения, обнаруженные на теле убитого мальчика Юшинского, были прижизненными и причинены с целью получения крови. Но «немые свидетели» преступлений сами не лгут. Их язык умышленно искажают люди. И такие люди из числа ученых нашлись. За крупную сумму денег, полученную от департамента полиции, профессор судебной медицины Косоротов дал заключение, что «повреждения нанесены с намерением получить возможно больше крови для каких-либо целей», т. е. по существу признал ритуальный характер убийства.

По поводу этого процесса В. И. Ленин писал: «Дело Бейлиса еще и еще раз обратило внимание всего цивилизованного мира на Россию, раскрыв позорные порядки, которые царят у нас. Ничего похожего на законность в России нет и следа. Все позволено администрации и полиции... вплоть до прикрытия и сокрытия преступления».¹

Глубокое возмущение прогрессивного человечества вызвал проходивший в США в 20-х годах процесс Сакко и Ванцетти. Как и дело Бейлиса в России, этот процесс был построен на грубой фальсификации доказательств. Но в отличие от Бейлиса, который в конце

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 64.

концов был оправдан, Сакко и Ванцетти погибли на электрическом стуле.

На двух примерах можно показать, как фальсифицировались доказательства по этому делу. В числе вещественных доказательств в судебном процессе фигурировала кепка, найденная на месте убийства кассира и охранника обувной фабрики «Слейтер и Морилл». Доказывая участие в указанном убийстве Сакко, прокурор утверждал, что найденная кепка принадлежала Сакко. При этом он ссыался на опознание кепки свидетелем Келли (владельцем фабрики, на которой работал Сакко), показавшим, что по цвету и общему виду она похожа на кепку, принадлежавшую Сакко. Главным же признаком, указывающим на принадлежность кепки Сакко, сочли дырку, оказавшуюся на подкладке. Происхождение ее, со слов того же Келли, объяснили тем обстоятельством, что Сакко имел обыкновение вешать кепку на гвоздь, имевшийся в мастерской рядом с его рабочим местом. Как ни наивна была с научной стороны подобная «идентификация» (отождествление) кепки, она сыграла свою роль в деле. Показание Сакко, категорически отрицавшего принадлежность кепки ему, не приняты во внимание. Лишь позднее фальсификация открылась. Выяснилось, что дырку в подкладке злополучной кепки умышленно проделал полицейский. По его объяснению, он искал под подкладкой какой-либо отличительный знак, указывающий на владельца кепки.

Еще более наглая фальсификация была проделана с пулями и гильзами, найденными на месте происшествия. Обвинители утверждали, что пуля, которой был убит охранник Берарделли, и стреляная гильза имеют следы, доказывающие, что выстрел ими был произведен из оружия, принадлежавшего Сакко. Это утверждение подкреплялось показаниями двух экспертов — полицейского инспектора Проктора и капитана Ван-Амбурга. Именно их заключение оказало особенно большое влияние на присяжных заседателей, считавших, что оно обосновано данными науки. Между тем впоследствии полицейский инспектор Проктор признал, что на самом деле он не был уверен в том, что пуля выстрелена из оружия, принадлежавшего Сакко. Свое заявление о сходстве пуль он сделал лишь потому, что на этом настаивал прокурор.

Невиданной фальсификацией отличался Лейпцигский процесс, происходивший в 1933 г. в Германии. Характеризуя его, газета «Правда» отмечала 24 декабря 1933 г., что подлоги в нем «превосходят исторически известные дело Дрейфуса и процесс Бейлиса».

Процесс явился вторым актом чудовищной провокации, ознаменовавшей приход фашистов к власти в Германии. Первым актом этой провокации был поджог здания рейхстага (германского парламента), осуществленный 27 февраля 1933 г. руками гитлеровских штурмовиков и уголовников, действовавших под непосредственным руководством фашистских главарей: Гитлера, Геринга и Геббельса. Поджог был задуман и совершен фашистскими правителями для того, чтобы оправдать объявленный ими кровавый поход против марксизма.

В день пожара в рейхстаге Гитлер заявил корреспонденту английской газеты «Дейли экспресс»: «Это богом данный сигнал. Ничто не мешает теперь нам раздавить коммунистов железными кулаками». Кровавый террор, начавшийся в эти дни, не прекращался до дня гибели фашизма.

Вернемся к описываемому процессу. Первоначально было объявлено, что на месте происшествия задержан поджигатель — «голландский коммунист» Ван дер Люббе. (На самом деле Люббе в это время членом коммунистической партии не являлся и никакого членского билета, как об этом утверждалось в официальных сообщениях, у него найдено не было.) 9 марта 1933 г. по этому же обвинению были арестованы видный деятель Болгарской коммунистической партии и международного рабочего движения Георгий Димитров и болгарские коммунисты Попов и Танев. Формальным основанием к аресту Димитрова послужил донос официанта ресторана фашиста Гельмера, заявившего, будто он видел Г. Димитрова вместе с Ван дер Люббе.

Однако никаких доказательств приписываемого Димитрову преступления не было и не могло быть. В день пожара он даже не находился в Берлине. Все предъявленные ему «доказательства» были фальсифицированными. Фашисты не брезговали при этом ни мелкими, ни крупными подлогами. Так, например, в числе «доказательств» фигурировал принадлежавший Г. Димитрову

путеводитель по Берлину. Фашисты поставили в нем особый знак над зданием рейхстага и утверждали, что его поставил Г. Димитров, готовясь к поджогу рейхстага. Чтобы морально опорочить Димитрова, фашисты сфабриковали документ о том, что, будучи женатым, он якобы под именем д-ра Шаафсма-Шмидта был помолвлен с некоей Крюгер. В письме к своей сестре Георгий Димитров писал в связи с этой ложью: «...Я никогда не был помолвлен с г-жой Крюгер (в сущности это очень хороший друг, и я ее высоко ценю) и тем более никогда не печатал *извещения о помолвке под каким бы то ни было именем*, — тут безусловно имеет место *злонамеренная фальсификация*».¹

Перечислить все совершенные по этому процессу подлоги невозможно. Злонамеренной фальсификацией являлся весь процесс от начала до конца. Имперский суд в Лейпциге продолжался 93 дня. Кроме подложных «немых свидетелей», фашисты привлекли множество живых «свидетелей преступления». Среди них было 20 полицейских чиновников, 6 провокаторов, 2 шпика, 2 вора, 1 сумасшедший и т. д. Но ничто не помогло. Под напором действительных фактов и возмущенного общественного мнения всего прогрессивного человечества фашистской прокуратуре пришлось отказаться от обвинения Г. Димитрова и других коммунистов. Всем им судьи были вынуждены вынести оправдательный приговор.

ИЗ ЛЕТОПИСИ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Убийство Рекстон

Три десятилетия тому назад в Англии произошло событие, взволновавшее общественность не только Шотландии, где оно случилось, но и всей страны. Вскоре этот интерес вышел далеко за пределы Англии.

Речь шла о зверском убийстве двух женщин, расчлененные трупы которых нашли в Шотландии. Преступ-

---

¹ Г. Димитров. Лейпцигский процесс. Госполитиздат, 1961, стр. 27.

ник все сделал для того, чтобы трупы остались неопознанными: отрезал пальцы, удалил глаза, уши и зубы, снял кожу в тех местах, где имелись родимые пятна, и т. д. Укрывшись от людских глаз, он действовал продуманно и расчетливо. Но ему не удалось укрыться от «немых свидетелей», которые в конце концов изобличили его.

Прежде всего свое слово сказали ученые Эдинбургского университета: профессор судебной медицины Глайстер и профессор патологической анатомии Бреш. Осмотрев доставленные к ним части трупов, они заявили: расчленило их лицо, хорошо знакомое с анатомией и с техникой анатомирования. Это сразу же сузило круг поисков возможного преступника. С техникой анатомирования (так называемой секционной техникой) знакомы немногие. Одновременно с этими данными Глайстер высказал свои соображения о росте и возрасте погибших и о некоторых других приметах, которые могли помочь установить личности убитых.

Куски газеты в которые были завернуты части трупов, рассказали о двух важных вещах: 1) о примерном времени совершения преступления, 2) о том, что оба убийства совершены, очевидно, одним и тем же лицом.

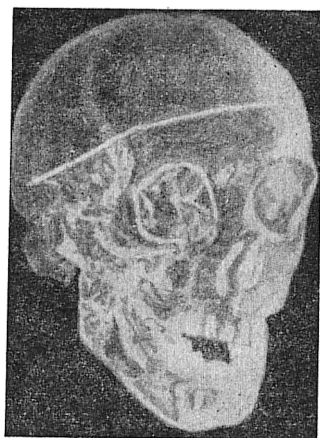
О времени убийства можно было судить по фотографии в газете, изображавшей событие, которое произошло 14 сентября 1935 г. Значит, убийство было совершено после этого дня. О том, что оно совершено одним лицом, свидетельствовал тот факт, что части разных трупов оказались завернутыми в куски одного и того же номера газеты.

Большую роль в раскрытии преступления сыграли и другие предметы, в которые наряду с газетой были завернуты части тела: женская шерстяная кофта, детские штанишки, кусок простыни и др. Описание всех этих предметов было помещено в газетах.

Подозрение в совершении убийства вскоре пало на врача по фамилии Рекстон. Первым шагом к возникновению этого подозрения явилось объявление в газетах о пропаже некоей Мэри Роджерсон, проживавшей в семье Рекстона в качестве прислуги. Объявление о пропаже Мэри было сделано ее родителями. Так как приметы пропавшей без вести Роджерсон в основных чертах совпадали с описанными проф. Глайстером приме-

а

б

Рис. 11. Фотографии погибшей Рекстон (а) и ее черепа (б).

Рис. 12. Фотосовмещение портрета Рекстон и фотоснимка ее черепа.

тами одной из убитых женщин, следственные власти заинтересовались судьбой Роджерсон. Выяснилось, что она без вести пропала вместе со своей хозяйкой Изабеллой Рекстон, женой доктора Рекстона. В доме у последнего произвели обыск, давший важные улики. В ванной комнате, в трубах, служивших для оттока воды, нашли мелкие частицы мяса и пучки женских волос. Была найдена также часть простыни, от которой был оторван кусок для упаковки частей тела.

Принесла свою пользу и публикация в газетах о тех вещах, в которые были завернуты части трупов. Некая Хольм опознала детские штанишки, подаренные ею Мэри Роджерсон, а мать Мэри опознала шерстяную кофточку, принадлежавшую дочери. Одной из харак-

терных примет послужила штопка на локте. С помощью этих косвенных данных личность погибшей Мэри Роджерсон была установлена с достаточной степенью достоверности. С такой же достоверностью удалось установить личность убитой Изабеллы Рекстон. Среди прочих способов установления ее личности большую роль сыграло фотосовмещение прижизненной ее фотографии и найденного черепа, который точно «вписался» в фотографию.

Как выяснилось, Изабелла Рекстон была убита на почве ревности, а Мэри Роджерсон разделила участь своей хозяйки, как невольная свидетельница убийства, могущая разоблачить убийцу.

Рекстон был уверен, что ему удалось не только избавиться от свидетелей убийства, но и сделать невозможным само опознание жертв его преступления. Однако его уверенность оказалась напрасной. Даже такой хитрый и расчетливый убийца не смог избавиться от «немых свидетелей» своего страшного преступления, так как сделать это вообще невозможно.

Дело Гауптмана

1 марта 1932 г. из дома известного американского летчика полковника Линдберга был похищен его маленький сын. Мальчику было всего 1 год 8 месяцев.

Вечером в этот день, как и всегда, мальчика уложили спать няня и жена Линдберга. Детская комната помещалась во втором этаже дома. Окна ее были закрыты. Около 9 часов вечера Линдберг, находившийся в одной из комнат первого этажа, услышал во дворе какой-то шум, похожий на падение ящика или другого деревянного предмета. Однако это обстоятельство не привлекло его внимания, он продолжал работать. Лишь через час после этого было обнаружено, что ребенок исчез. Окно в детской комнате оказалось открытым, во дворе вблизи окна лежала принесенная преступником лестница, при помощи которой он забрался на второй этаж дома. При падении лестница сломалась. На полу между окном и кроватью ребенка ясно виднелись следы грязи. В пустой колыбели лежало оставленное преступником письмо, говорившее о цели похищения ребенка. Возвращение ребенка обуславливалось получением выкупа в сумме 50 тыс. долларов. Письмо имело специальные отличительные знаки в виде

своеобразно расположенных проколов. На ноги была поставлена не только полиция, но и частные детективы. Круг подозревавшихся в преступлении оказался чрезвычайно обширным. В разное время в качестве подозреваемых было привлечено до 100 человек. Однако все было напрасно. Преступник был неуловим. В то же время он действовал. Линдберг получил второе письмо с аналогичными символическими знаками. Как и в первом письме, преступник требовал выкуп в 50 тыс. долларов.

Посредником между Линдбергом и преступником выступил друг летчика доктор Кондон. Первоначально переговоры между ними шли путем переписки. Доктор Кондон получил от преступника 14 писем. Наконец, было назначено личное свидание. Оно произошло на одном из кладбищ. Для удостоверения своей личности преступник подробно рассказал, при каких обстоятельствах было совершено похищение ребенка, описал способ прикрепления английских булавок, которыми было заколото его одеяльце, обещал прислать доктору Кондону ночную рубашку, в которой находился мальчик в день похищения. Это обещание впоследствии было выполнено.

После этого уже на другом кладбище Кондон вручил преступнику пакет с 50 тыс. долларов. Номера серий денежных билетов были предварительно переписаны. Передача денег состоялась 2 апреля 1932 г., но мальчик возвращен не был. Лишь 12 мая его нашли в пяти милях от дома Линдберга мертвым. Врачи пришли к заключению, что его смерть произошла от пролома черепа. Повреждение, очевидно, явилось следствием падения лестницы в момент похищения ребенка.

Полиция и детективы во всем мире более двух лет продолжали поиски преступника, но безуспешно.

В сентябре 1934 г. полиции, наконец, удалось напасть на след преступника. В Нью-Йорке (округ Бронкс) был задержан некий Бруно Гауптман. При обыске в гараже Гауптмана были обнаружены спрятанные под полом и в стенах 14 600 долларов, номера серий которых совпали с теми билетами, которые 2,5 года тому назад Кондон передал преступнику. Кроме того, при обыске были изъяты столярные инструменты и образцы дерева, из которого, как предполагалось, Гауптман изготовил лестницу, найденную на месте преступления.

Оказалось, что в прошлом Гауптман дважды уже су-

дился за кражи со взломом. В момент похищения ребенка Линдберга он находился на свободе, так как бежал из места заключения, где содержался за укрывательство краденного. Но, невзирая на свое прошлое и имевшиеся против него улики, Гауптман отрицал свою виновность в похищении ребенка Линдберга. Что касается обнаруженных у него денег, то он объяснил, что получил их от некоего Фиша, к этому времени уже умершего.

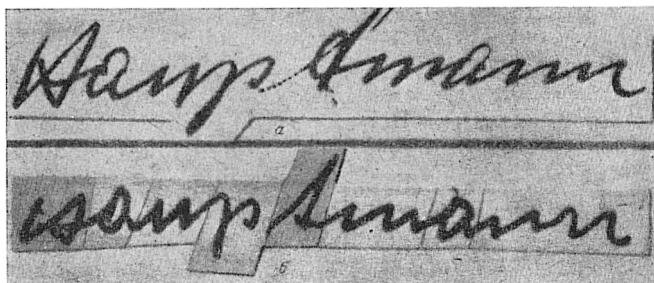

Рис. 13. Фотографии подлинной подписи Гауптмана (а) и подписи, составленной из букв, которые вырезаны из писем, полученных Линдбергом (б).

Гауптман утверждал, что с доктором Кондоном он никогда не встречался и ни разу не писал ему писем. В этих условиях решающее значение приобрели вещественные доказательства преступления: письма и лестница, обнаруженная около дома Линдберга.

Исследование писем производили крупнейшие американские специалисты по графической экспертизе под руководством Кларка Селлера и автора широко известного пособия по экспертизе документов Альберта С. Осборна. Восемь из девяти экспертов высказались в пользу обвинения. Они признали, что все 15 писем, фигурировавшие по делу, были написаны Гауптманом. Их заключение основывалось на следующих соображениях:

1) содержание всех исследуемых писем связано между собой. Последующие письма вытекают из предшествующих;

2) второе по счету письмо было написано на бумаге, оторванной от того же листа, что и для первого письма;

3) в письмах повторялись аналогичные грамматические ошибки и одинаковые специфические выражения.

Так, например, вместо «Линдберг» в письмах писалось «Линденберг», вместо «энетсинг» — «энединг», вместо буквы «у» (игрек) 57 раз была употреблена буква «j» (йот) и т. д.

4) все письма были написаны одним почерком, почерком Гауптмана. Для иллюстрации этого Селлерс проделал следующий опыт. Он взял обычную подпись Гауптмана и склеил под ней такую же подпись из букв, вырезанных из угрожающих писем вымогателя. Получилось весьма наглядное совпадение этих двух подписей;

5) все письма имели одинаковые символы, состоящие из нескольких частично совпадающих окружностей и трех дырочек, проколотых в бумаге. Употребляя этот символ вместо подписи, вымогатель не только скрывал свое имя, но и предупреждал возможность получения выкупа другими лицами.

Наряду с письмами в качестве доказательства послужила и лестница, найденная в день похищения ребенка около дома Линдберга. При исследовании ее выяснилось, что она изготовлена из дерева, сходного с тем, которое было найдено на чердаке дома Гауптмана. Более того, эксперты доказали, что для изготовления ее использовались рубанок, долото и другие инструменты, обнаруженные при обыске у обвиняемого.

Несмотря на собранные доказательства, Гауптман продолжал настаивать на своей невинности. Суд, однако, поверил «немым свидетелям» и приговорил обвиняемого к смертной казни. После вынесения обвинительного вердикта члены жюри заявили, что именно доказательства, полученные в результате экспертизы почерка и дерева, были наиболее убедительными.

Суд Ошибок и Апелляций штата Нью-Джерси утвердил обвинительный вердикт жюри, указав в своем заключении, что он не только не противоречит имеющимся доказательствам, но, наоборот, неизбежно вытекает из них, так как доказательства безошибочно свидетельствуют о виновности Гауптмана.

Следы на черепе

Весной 1952 г. в полицию г. Хайфа (Израиль), расположенного близ ливанской границы, поступило сообщение об исчезновении пятидесятилетней Марии Ц., работавшей служанкой. Ц. была по национальности гречанка.

Из сообщения следовало, что уже более недели, как она ушла с места работы и никто после этого ее не видел.

Как всегда в подобных случаях, сначала собрали сведения о близких Ц. людях. Мария Ц. проживала совместно с неким Акопяном, сапожником по профессии. При беседе он рассказал, что Мария Ц. выехала из Израиля в Ливан, где у нее якобы имелись родственники. Собравшись уезжать, она, по утверждению Акопяна, продала все свои вещи. У него не осталось никаких вещей, принадлежащих Ц.

Рассказ Акопяна вызывал сомнение, но все же возможность отъезда Марии Ц. не исключалась. Жили они с Акопяном, по словам соседей, плохо, часто ссорились. Случаи незаконного перехода границы бывали и раньше.

Произвели обычную публикацию об исчезновении Марии Ц. с указанием ее примет, но эта мера не дала никаких результатов.

Оставалось терпеливо ждать случая. Может быть, Ц. вернется, а если ее уже нет в живых, рано или поздно найдутся ее следы.

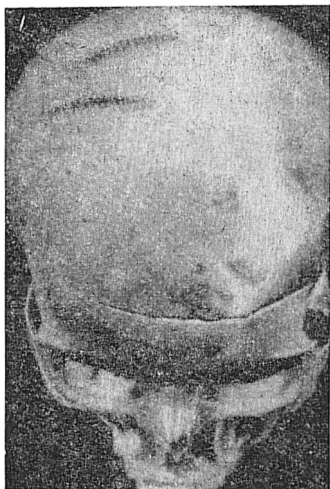
Прошло семь месяцев, и такие следы действительно нашлись. Игравшие близ города дети увидели чемодан. Он находился в большой пещере, расположенной на склонах горы Кармель. Открыв его, дети испугались: в нем лежало сильно разложившееся туловище женщины. О находке сообщили полиции. Осмотр места обнаружения чемодана никаких улик более не дал. Зато многое дало судебномедицинское исследование обнаруженной части трупа. Было установлено, что туловище принадлежало взрослой женщине. Самое же существенное в заключении эксперта состояло в другом. Эксперт утверждал, что голова и конечности отделены от туловища умелой рукой, скорее всего рукой мясника.

Изучая данные об исчезнувших за истекший год лицах, вспомнили о Марии Ц., а вслед за ней и об Акопяне. Возник естественный вопрос — нет ли среди знакомых Акопяна таких лиц, которые могли бы произвести расчленение трупа. Оказалось, что такое лицо есть. Это был близкий его друг, мясник по профессии. На допросе он сознался, что Мария Ц. действительно убита в его присутствии Акопяном, а он помогал ему расчленять труп. Более того, оказалось, что он помогал убийце спрятать конечности и голову в заброшенном водоеме в соседнем

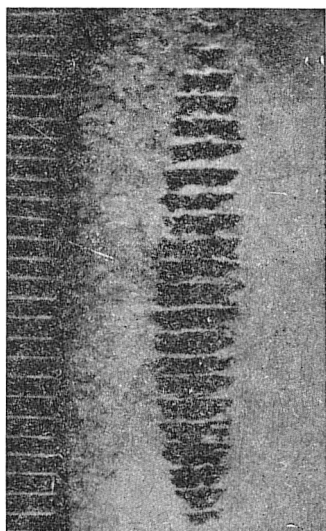

городке Акр. Водоем немедленно осмотрели, и в нем действительно были найдены недостающие части трупа. Несмотря на все это, Акопян категорически отрицал свою вину.

Невольно возникал вопрос — может быть, мясник совершил убийство единолично и оговорил Акопяна? Решить этот вопрос помогли «немые свидетели» преступления. При производстве патологоанатомического исследо-

а

б

Рис. 14. Фотография черепа (а) со следами, оставленными орудием убийства; след на черепе и рашпиль, которым нанесен удар (б).

вания конечностей и черепа трупа было сделано важное открытие. На черепе были ясно видны следы орудия преступления. Эксперты пришли к заключению, что они вероятнее всего оставлены рашпилем, т. е. орудием, которое чаще всего находится в руках сапожника. Среди инструментов Акопяна нашлось несколько напильников и рашпелей. Все они были подвергнуты тщательному исследованию. Во впадинах нарезки самого крупного рашпиля оказались мельчайшие частицы ткани человеческого тела.

После этого было произведено криминалистическое исследование рапиры и следов, обнаруженных на черепе. Результаты этого исследования показали полное их совпадение. Орудие убийства тем самым было установлено. Удары по голове Марии Ц. были нанесены именно этим рапирам, а не чем-либо другим. При рассмотрении дела в суде демонстрировались результаты всех произведенных по делу исследований, в том числе исследований пятен крови, одежды и т. д. «Немые свидетели» послужили для суда наиболее вескими доказательствами: оба обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению.

Женщина-убийца

Жители Лондона до сих пор не забыли о преступлении, случившемся летом 1954 г.: в своем доме была убита молодая женщина Элла Кристофи, мать троих детей.

Интерес к этому преступлению сохранился до наших дней прежде всего потому, что с 1923 г. это был первый случай, когда женщину-убийцу осудили к смертной казни, несмотря на то, что она отрицала свою вину. Главную роль в ее изобличении сыграли «немые свидетели» преступления.

В убийстве Эллы Кристофи была обвинена ее 53-летняя свекровь. Обвиняемая не являлась коренной жительницей Лондона. Она приехала сюда в поисках работы с острова Кипр. Ее сын, Ставрос Кристофи, работал в одном из ресторанов, а невестка — в модном ателье.

Поселившись по приезду в Лондон в доме сына, свекровь неприязненно отнеслась к невестке. Ей не нравилось в ней все, начиная с платьев, которые та носила, и кончая тем, как Элла воспитывает своих детей. Неприязнь возрастала еще и потому, что невестка, будучи немкой по происхождению, не понимала языка свекрови, а свекровь очень плохо говорила по-английски.

Стремясь улучшить отношения, они пытались развезаться. Элла Кристофи на некоторое время уезжала с детьми к своим родителям в Германию, а свекровь несколько раз переезжала жить в другое место. Но эти меры ни к чему не привели. В конце концов Ставрос Кристофи решил, что его мать должна вернуться на Кипр, о

чем и сообщил ей. Такова была предыстория преступления.

Само преступление произошло следующим образом. Вечером 29 июля 1954 г. в доме Кристофи было тихо. Ставрос Кристофи находился на работе, дети спали. Лишь во дворе почему-то горел огонь. Янг, сосед по дому, полюбопытствовал, что это за огонь. Заглянув во двор, он увидел находившуюся там мать Ставроса Кристофи. Как впоследствии говорил свидетель, у него сложилось впечатление, что Кристофи сжигала старый манекен, и поэтому он спокойно отправился домой. Янг был единственным живым свидетелем события преступления, но видел он слишком мало.

Около часу ночи старая Кристофи подбежала к автомашине, в которой находилась чета Барстоф, и стала просить их о помощи. На ломаном английском языке она говорила: «Помогите, огонь горит, дети спят». Барстоф сразу же вызвал полицию.

Полиция нашла во дворе дома Кристофи полуобгоревший труп Эллы, около которого находилось большое количество бумаги и кусков дерева, пропитанных парафином. Голова трупа была чем-то пробита. При осмотре кухни были обнаружены следы крови, которые, как было заметно, пытались замывать. Здесь же находился зольник от бака для кипячения воды, на котором также были видны следы крови. В мусорном ведре нашли куски обгоревшей материи, часть которой была связана в виде петли. При осмотре комнаты, в которой спала старая Кристофи, увидели, что кровать ее стояла нетронутой. Здесь же было спрятано обручальное кольцо невестки, завернутое в бумагу.

Труп Эллы Кристофи и обнаруженные на месте преступления предметы были подвергнуты исследованию с помощью экспертов. Судебные медики установили, что погибшая была задушена. Выяснилось, что удушение было совершено при помощи детского шарфа, остатки которого и были найдены в мусорном ведре. Задушив жертву, убийца нанесла ей зольником сильный удар по голове — поэтому на зольнике и оказались следы крови. Эксперты установили, что отверстие в черепе по своей форме точно соответствует форме зольника. Для того, чтобы скрыть следы преступления, убийца пыталась сжечь труп, но сделать это ей оказалось не под силу.

Все «немые свидетели», в том числе и найденное обручальное кольцо Эллы, указывали на ее свекровь как на убийцу. Но Кристофи отрицала свою вину. Она утверждала, что невестку убили двое неизвестных, проникших к ним в дом. Присяжные заседатели поверили не ей, а «немым свидетелям» преступления. Они вынесли Кристофи обвинительный вердикт. Суд приговорил ее к смертной казни через повешение. Приговор был исполнен.

Приведенные случаи из летописей уголовных преступлений в капиталистических странах убедительно показывают, что, когда обращаются к помощи науки, «немые свидетели» и там рассказывают о многом. Но это происходит тогда, когда действительно хотят раскрыть преступление. Но разные люди и по разным причинам иногда не заинтересованы в этом. Одним из таких случаев, который долго еще будет привлекать общественное внимание, является трагическое убийство американского президента Джона Ф. Кеннеди.

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА»

22 ноября 1963 г. на одной из центральных улиц Далласа, расположенного на юге США (штат Техас), прозвучали выстрелы, оборвавшие жизнь американского президента Джона Ф. Кеннеди. Это убийство четвертого американского президента за столетие. В 1865 г. так же трагически погиб президент Авраам Линкольн. Он был убит в вашингтонском театре актером Джоном Бутсом. Здесь же в Вашингтоне в 1881 г. было совершено убийство президента Гарфильда. Третий случай убийства президента Мак-Кинли произошел в 1901 г. в Буффало.

После убийства Джона Ф. Кеннеди американские журналисты отыскивали ряд совпадений в обстоятельствах убийства Линкольна и Кеннеди. Их оказалось довольно много. Авраам Линкольн принимал присягу при вступлении на пост президента в 1861 г., Джон Кеннеди сто лет спустя — в 1961 г. Оба они были убиты в один и тот же день недели — в пятницу. Оба убийства были совершены в присутствии жен президентов. После смерти А. Линкольна пост президента по американской конституции за-

нял вице-президент Э. Джонсон, родившийся в 1808 г., после гибели Д. Кеннеди президентом стал вице-президент Л. Джонсон, родившийся в 1908 г. Секретарь А. Линкольна носила фамилию Кеннеди, секретаря Д. Кеннеди звали Линкольн.

Все эти совпадения являются, конечно, чистой случайностью. Но наряду с ними имеются и такие совпадения, которые едва ли можно отнести к категории случайностей. Нельзя, например, не вспомнить, что убийца А. Линкольна Бутс при аресте был застрелен, хотя имелся приказ взять его живым. Застрелен и Ли Освальд, обвинявшийся в убийстве Д. Кеннеди. Таким образом, ни один из них не был судим. Убийство Д. Кеннеди часто называют «преступлением века». Оно действительно взволновало весь мир.

Новый президент США Линдон Джонсон через несколько дней после своего вступления на пост главы государства назначил специальную комиссию из семи лиц, которой поручил собрать факты, касающиеся убийства Д. Кеннеди и доложить о них «американскому народу и всему миру». Комиссию возглавил верховный судья США Э. Уоррен. Членами комиссии были назначены: Рассел, Даллес, Форд, Макклой, Боггс и Купер.

После девятимесячной деятельности, 27 сентября 1964 г., комиссия опубликовала доклад, в котором утверждала, что произведенное ею расследование «было самым тщательным, полным и объективным в истории».

В кратком очерке невозможно рассказать все подробности убийства и произведенного расследования. Их очень много и не все они равноценны. Только комиссия Уоррена допросила 552 свидетеля. Всего же за время расследования было допрошено более 25 000 свидетелей, произведено множество экспертиз, экспериментов и т. д. Доклад комиссии Уоррена представляет собой объемистый том в 888 страниц. Ниже пойдет речь лишь о некоторых «немых свидетелях» преступления и о их роли в расследовании преступления. Но прежде чем сделать это, необходимо в кратких чертах ознакомиться с трагическими событиями, которые произошли в Далласе.

Картина этих событий в докладе комиссии Уоррена рисуется в следующем виде: 22 ноября 1963 г. президент Кеннеди вместе с женой и сопровождающими их лицами

прилетел в самолете на аэродром «Лав» в Далласе. Через несколько часов после прибытия в Даллас Д. Кеннеди вместе с губернатором штата Техас Д. Коннэли в открытой автомашине ехал по городу, направляясь в здание Торгового центра, где он должен был произнести речь. Более двухсот тысяч жителей Далласа вышли на улицы города встречать приехавшего президента.

На одной из центральных улиц Далласа, не доезжая примерно 160 ярдов (ярд равен 91,44 см) до тоннеля, ведущего на автостраду Стеммонс, автомашина президента была обстреляна.

Выстрелы, как утверждает в своем докладе комиссия Уоррена, были сделаны сверху и сзади по отношению к автомашине. Преступник стрелял из окна шестого этажа здания, в котором размещался склад школьных книг. Комиссия пришла к выводу, что всего было сделано три выстрела, промежуток между которыми составил «приблизительно от 4,8 до 7 с лишним секунд». Орудием преступления служила винтовка калибра 6,5 мм «Манлихер-Каркано» с телескопическим прицелом. Две из трех выстреленных пуль поразили президента Д. Кеннеди. Кроме того, одной из этих двух пуль оказался раненым губернатор Коннэли. Третья пуля в цель не попала.

Убийцей президента комиссия Уоррена признала 24-летнего служащего книжного склада, в прошлом солдата морской пехоты, Ли Харви Освальда. Хотя ему удалось скрыться с места убийства, через 45 минут его встретил полицейский Типпит, которому, однако, не удалось задержать Освальда. Из имевшегося у него пистолета Освальд застрелил Типпита.

По прошествии 35 минут после совершения второго убийства Освальд был арестован в зале кинотеатра, расположенного поблизости от того места, где был убит Типпит.

При допросах в Далласской полиции Освальд заявил: «Я никого не убивал, я не знаю, что все это значит». Но не прошло и двух суток, как он умолк навсегда. Его убил Джек Руби, владелец одного из далласских ночных клубов. Это убийство было совершено во время перевода Освальда из одной тюрьмы в другую и произошло буквально на глазах миллионов американцев, так как операция по перемещению Освальда показывалась по телевидению тремя телевизионными компаниями.

В таком виде рисуют официальные органы трагические события, которые произошли осенью 1963 г. в Далласе.

Комиссия Уоррена пришла к выводу, что Освальд действовал один. Что же касается мотивов совершенного им убийства, то комиссия не пришла к определенному заключению. Она лишь отметила «его озлобленность в отношении к любой власти, его назойливое стремление занять какое-то место в истории, его склонность к насилию и явно выраженный антагонизм по отношению к Соединенным Штатам».

Вместе с тем комиссия заявила, что нет никаких связей и даже знакомства между действующими лицами далласской трагедии: Ли Освальдом, Джеком Руби и полицейским Дж. Типпитом. Принимая доклад комиссии Уоррена, президент США Линдон Джонсон подчеркнул, что члены ее руководствовались «твердой решимостью установить и опубликовать полную правду об этих страшных событиях».

Такую же оценку своей деятельности дали сами члены комиссии, заявившие, что их заключение представляет собой взвешенное и обдуманное суждение. В докладе отмечалось, что результаты расследования «удовлетворили комиссию в том, что ей удалось убедиться в истинных событиях, имевших место при убийстве президента Кеннеди», но комиссия тут же вынуждена была сделать оговорку, что она добилась этого, «насколько это было возможно, в результате продолжительного и тщательного ознакомления с фактами». В этой связи сразу вспоминается заявление, сделанное Э. Уорреном еще до начала работы комиссии: «Мы не узнаем истины на протяжении жизни нашего поколения». Это заявление не было, конечно, случайным. Уоррен прекрасно понимал, с какими большими трудностями придется ему встретиться в процессе расследования.

Выводы, содержащиеся в докладе комиссии Уоррена, были встречены многими зарубежными обозревателями с нескрываемым скептицизмом. В печати различных стран появились критические обзоры этого доклада. Оснований для его критики оказалось вполне достаточно, особенно в отношении «немых свидетелей» преступления.

1. Успешное раскрытие убийств и многих других преступлений прежде всего зависит от качества расследова-

ния, производимого по «горячим следам». Доказательства, которые не найдены или не сохранены в первые часы после совершившегося преступления, далеко не всегда удается обнаружить позднее. Поэтому именно первоначальное расследование требует умения, тщательности и внимания. Как же производилось оно в этом случае?

Комиссия Уоррена признала, что расследование, которое производилось полицией Далласа под наблюдением окружного прокурора Генри Уэйда, «было небрежным». Но слишком уж странной была эта небрежность, если обратиться к фактам.

В докладе комиссии Уоррена указывается, что убийство совершено из винтовки типа «Манлихер-Каркано» № С-2766 калибра 6,5 мм, найденной на шестом этаже книгохранилища, «что исключает какое-либо другое оружие». Упоминание о другом оружии не случайно. В начале расследования действительно фигурировало «другое оружие». Первым, кто осматривал винтовку, обнаруженную в книжном складе, был помощник констебля Симор Вейцман. Как он заявил, при осмотре книжного склада была найдена винтовка немецкого образца «Маузер» калибра 7,65 мм. Вслед за этим аналогичное сообщение сделал окружной прокурор Уэйд, подтвердивший, что найдена винтовка «Маузер». Позднее было сказано, что допущена ошибка, которая якобы открылась после обращения к соответствующим справочникам. Но до сих пор остается неясным, для чего следовало обращаться к справочникам. Как оказалось, на винтовке имелась надпись «Made in Italy: cal. 6,5» («Изготовлена в Италии: калибр 6,5»). Следовательно, к справочникам обращаться не было надобности. Надпись говорила сама за себя. Трудно допустить возможность ошибки в определении калибра, так как люди, производившие осмотр, конечно, умели читать десятичные дроби.

Недоразумения с винтовкой на этом, впрочем, не кончились. Уже после смерти Освальда в американских журналах «Лайф» и «Ньюсуик» были опубликованы его «семейные фотографии», на одной из которых он был изображен с винтовкой «Манлихер-Каркано» в руках. Увидев этот снимок в печати, мать Освальда заявила, что он представляет собой фотомонтаж. Голова Освальда в этой фальшивке, по ее словам, была приклеена к фотографии другого человека. Неестественность фотографии

была настолько очевидной, что редакциям журналов, опубликовавшим ее, ничего не оставалось, как признать, что снимок был «слегка ретуширован для более четкого выявления деталей».

2. Таинственные превращения произошли также с отпечатками пальцев, якобы обнаруженными на винтовке. Первоначально полиция Далласа сделала заявление о том, что в ее распоряжении находится научное доказательство виновности Освальда в убийстве президента Кеннеди. На винтовке, служившей орудием преступления, полиция якобы обнаружила отпечатки пальцев Ли Освальда. Если бы дело действительно обстояло так, то в руках полиции оказалось бы важное научное доказательство. Как было уже отмечено ранее, нет двух людей, даже близнецов, отпечатки пальцев которых были бы тождественными. Каждый человек имеет свои постоянные и неповторимые узоры на конечных фалангах пальцев рук. Поэтому отпечатки пальцев с научной достоверностью подтвердили бы тот факт, что Ли Освальд прикасался к винтовке или держал ее в своих руках. Но не более того. Для каких целей он брал ее в руки — на этот вопрос отпечатки ответа дать не могли.

Но обнаруженные отпечатки вскоре оказались вовсе и не пальцевыми отпечатками. Вслед за заявлением полиции об их обнаружении Уэйд «уточнил» сделанное полицией заявление, сообщив, что в действительности на винтовке обнаружены отпечатки не пальцев, а ладони. Это сообщение уже существенно меняло дело. Отпечатки ладоней также могут служить средством отождествления человека, которым они оставлены, однако их научное значение значительно уступает значению отпечатков пальцев.

Впрочем, скоро из дела исчезли и эти отпечатки. После того как расследование дела перешло в руки ФБР, последовало третье заявление: «Никакого отпечатка ладони на винтовке не обнаружено». По сообщениям печати того времени, агенты ФБР в разговорах частного характера возмущались ссылками полиции и прокурора на улики, которых на самом деле не существует.

Все же один отпечаток пальца в конце концов нашелся. Комиссия Уоррена в своем докладе сообщила, что отпечаток пальца на винтовке имелся, но находил-

ся он на такой ее части, которой Освальд мог касаться только, когда винтовка была в разобранном состоянии. Поэтому комиссия расценила существование данного отпечатка лишь как доказательство, говорящее о принадлежности винтовки Освальду.

Так таинственным образом появлялись и исчезали отпечатки пальцев Освальда на винтовке. В то же время оказался почему-то обойденным чрезвычайно важный вопрос — не было ли на винтовке отпечатков пальцев других лиц? Впрочем, нельзя думать, что этим вопросом не интересовались. В процессе работы комиссии Уоррена один из ее членов, а именно бывший руководитель Центрального разведывательного управления Аллен Даллес сказал, что на оружии преступления имелись среди прочих отпечатки пальцев Освальда. Значит, на винтовке все-таки были и «прочие» отпечатки? А раз отпечатки были, естественно, должен был возникнуть вопрос — кем они оставлены. Ответа на него расследование не дало.

Далласская полиция утверждала, что отпечатки пальцев Освальда найдены не только на винтовке, но также и на пакете, в котором лежали остатки обнаруженной здесь же курицы. Этой курицей Освальд якобы лакомился во время, непосредственно предшествовавшее убийству. Несколько позднее появилось уточнение: обеды курицы остались с ночи, предшествовавшей преступлению. Но еще позже и эта версия отпала. В докладе комиссии Уоррена говорится о том, что найденные обеды курицы оставлены вообще не Освальдом, а другим служащим книжного склада.

3. При расследовании убийств, совершенных из огнестрельного оружия, американские следственные органы широко пользуются так называемой парафиновой пробой. С ее помощью выявляются незаметные для глаза следы выстрела, остающиеся на руках, а при стрельбе из винтовки — и на лице стрелявшего. Парафиновая проба была применена и к Освальду после его ареста. Окружной прокурор Уэйд еще в самом начале расследования сообщил, что исследование с помощью парафина открыло на обеих руках Освальда следы пороха от выстрела из пистолета. Никаких других следов найдено не было. Возник вопрос — куда же пропали следы выстрела из винтовки? Уничтожить их Освальд не

имел возможности, так как для этого у него не было времени. Комиссия Уоррена дала этому факту такое объяснение: парафиновые пробы не всегда достоверны. Отмечая это странное объяснение, американский писатель и ученый Т. Бьюкенен высказал опасение, что после такого заключения ни один судья не решится вести процесс на основе подобных данных. Но комиссия Уоррена, видимо, лучше знала американских судей и поэтому уверена, что этого не произойдет.

4. Далласская полиция, в частности, утверждала, что при обыске в комнате Освальда был найден план Далласа с нанесенными на нем линиями, показывающими направление полета пуль при выстреле из окна книгохранилища. Из этого делался вывод о заранее проведенной тщательной подготовке убийства. То же самое вслед за полицией повторил и окружной прокурор Уэйд.

Однако комиссия Уоррена объявила, что найденный при обыске план использовался Освальдом в те дни, когда он искал в Далласе работу. Так обстояло дело с этим доказательством виновности Ли Освальда.

5. Одним из центральных вопросов следствия явился вопрос о количестве выстрелов и о времени, в течение которого они сделаны.

Комиссия Уоррена пришла к выводу, что выстрелов было три и что сделаны они в промежуток времени «приблизительно от 4,8 до 7 с лишним секунд». Мотивируя свой вывод, комиссия отметила, что около окна книгохранилища, из которого производились выстрелы, полиция нашла лишь три стреляные гильзы. В докладе по этому поводу прямо указано: «Число пустых патронов было одним из факторов, приведших комиссию к заключению, что было три выстрела».

Количество найденных стреляных гильз, конечно, важный фактор, но он вовсе не имеет абсолютного значения, особенно в тех случаях, когда существуют противоречащие ему данные. Нельзя исключить того предположения, что по какой-то причине преступник поднял и унес с собой одну или несколько гильз, выбросив их затем где-то в другом месте. Нельзя исключить и другого предположения: стреляли не только из окна книгохранилища, но и из другого пункта.

Вопрос о пулях, найденных на месте происшествия,

в течение всего расследования оставался неясным. Было сообщено, что одну пулю извлекли из тела президента во время вскрытия. Вторая пуля была извлечена из бедра губернатора Коннэли при операции. Еще одну пулю нашли на носилках, на которых переносили президента при поступлении его в Парклэндский госпиталь. Это соответствовало версии о трех выстрелах и тому, что были найдены три стреляные гильзы на месте происшествия. Но это соответствие на самом деле было лишь внешним. Уже в самом начале расследования открылись данные, говорившие о том, что не все пули попали в цель. Комиссия Уоррена подтвердила эти данные. Была установлена и точка, в которой не попавшая в цель пуля ударилась о мостовую. Она оказалась на довольно значительном расстоянии от места, на котором пули поразили президента. Сомнений по поводу наличия этой пули не осталось после того, как нашелся свидетель, который был ранен ее осколками.

Таким образом, выходит, что пуль на самом деле было четыре, а не три. Но о существовании четвертой пули ничего не говорится, ибо это разрушило бы официальную версию о трех выстрелах. Однако эта официальная версия имеет еще и другие пробелы, делающие ее весьма сомнительной. Так, например, если проанализировать время, затраченное на выстрелы, многое останется неясным. Времени было очень мало — секунды. В самом благоприятном для официальной версии варианте, принятом комиссией Уоррена, время измерялось «приблизительно от 4,8 до 7 с лишним секунд». В заключении комиссии указывается, что такое время исчислено, исходя из показаний экспертов и произведенного ими просмотра фильмов, заснятых в процессе движения автомашины, в которой ехали Д. Кеннеди и Д. Коннэли.

Эксперты, члены национальной американской ассоциации стрелков, имеющие звания «мастеров», произвели серии экспериментальных выстрелов, целью которых являлось воспроизведение действий Освальда и установление таким путем времени, необходимого для производства трех выстрелов. В первой серии, состоящей из трех выстрелов, эксперты затратили 4,6; 6,75 и 8,25 секунды. Во второй серии было затрачено 5,16; 6,45 и 7 секунд. Но следует оговориться, что стрельба производилась по неподвижной цели, что, естественно, упрощало

задачу стрелков и облегчало их действия. Кроме того, стреляли выдающиеся стрелки, имевшие звания «мастеров». Освальд же подобного звания не имел. Во время службы в морской пехоте лучшие результаты его стрельбы при испытаниях составляли 191 очко из 250 возможных. Эти результаты не говорили о способности Освальда добиться столь исключительного эффекта, достигнутого убийцей Д. Кеннеди.

Для определения максимально возможной скорости стрельбы из винтовки «Манлихер-Каркано» были проведены экспериментальные стрельбы экспертами ФБР. Три эксперта сделали по три выстрела каждый. Результаты экспертизы ставили под сомнение выводы обвинения. В семи случаях из девяти эксперты затратили на стрельбу больше времени, чем имелось в распоряжении Освальда.

Наряду с официальными экспертизами были проведены и экспертизы частного характера. Так, например, по инициативе двух римских газет «Паэзе сера» и «Коррьере дело спорт» — два известнейших итальянских стрелка произвели эксперимент, при котором была также использована винтовка «Манлихер-Каркано». Чемпион Европы Э. Кашано при производстве трех выстрелов уложился лишь в 11 секунд. Призер Олимпийских игр У. Кантелли затратил на три выстрела 5,5 секунды, но в обоих случаях стрельба также производилась по неподвижной цели.

Для выяснения истины имеет значение не только общее количество времени, необходимого для производства трех выстрелов, но и время интервалов между отдельными выстрелами. Комиссия Уоррена установила, что зарядить винтовку типа «Манлихер-Каркано» и произвести из нее прицельный выстрел нельзя менее чем за 2,3 секунды. Это время является минимальным для самых лучших стрелков в мире. Следовательно, если считать, что Освальд относился к таким стрелкам (а комиссия исходила именно из этого предположения, признавая его способным сделать три прицельных выстрела за промежуток времени, исчисляемый максимум 7 секундами), то и в этом случае промежутки между выстрелами не могли быть менее чем 2,3 секунды. Между тем из показаний свидетелей вытекает, что один из выстрелов был отделен от другого меньшим промежутком

времени. Таким образом, фактически осталась не исключенной версия о том, что стреляли во всяком случае двое, а не один.

Эта версия особенно усиливается в свете показаний губернатора штата Техас Д. Коннэли и его жены. Уже в первом интервью, которое он дал после ранения (оно транслировалось по внутренней телевизионной сети с постели в Парклэндском госпитале) Джон Коннэли заявил: «Мы только что повернули за угол (на Элмстрит), когда я услышал выстрел. Пуля попала в президента, который простонав, упал. Затем пуля попала в меня. Я почувствовал, что тяжело ранен». Коннэли добавил, что после того как пуля попала в него, еще одним выстрелом был ранен президент.

Для оценки указанного заявления нужно отметить, что губернатор Техаса Д. Коннэли в стрелковом деле разбирается неплохо. Он является завзятым охотником. Коннэли уверяет, что по звуку летящей пули он легко может определить, попала она в цель или нет.

Показания Коннэли находятся в полном соответствии с показаниями его жены, которая утверждает, что после первого выстрела она обернулась и увидела, как раненый президент Д. Кеннеди подносит руки к горлу. Только после этого, по ее словам, произошло ранение Д. Коннэли.

Из показаний Д. Коннэли и его жены неминуемо следует вывод о четырех выстрелах. Факты упрямы. Двумя пулями был ранен Д. Кеннеди, третьей Д. Коннэли, четвертая в цель не попала. В этих условиях со ссылкой на экспертов и появилось утверждение о том, что одна из двух пуль поразила сразу двух лиц: Д. Кеннеди и Д. Коннэли.

Что же касается показаний Д. Коннэли, то комиссия Уоррена объяснила их содержание «запоздалой реакцией». В докладе указывается: «По-видимому, речь идет о запоздалой реакции; прошло немного времени между тем моментом, когда его (Коннэли) ранила пуля, и моментом, когда он заметил, что ранен, несмотря на то, что пуля задела ребро и затем проникла в запястье».

Запоздалость реакции при возникшей ситуации можно было бы допустить, если бы Коннэли был ранен лишь в мягкие ткани тела. Однако у него было тяже-

лейшее ранение, затронувшее целостность костей. При таком условии объяснение комиссии Уоррена представляется весьма сомнительным.

Мы затронули лишь некоторых «немых свидетелей» убийства Д. Кеннеди. Приведенные факты говорят о том, что их «речь» не всегда понимали, а в ряде случаев, очевидно, и не хотели понимать. Более того, далласская полиция и органы ФБР почему-то искажали или замалчивали некоторые факты, о которых «свидетельствовали» «немые свидетели» этого преступления.

После убийства Освальда Джеком Руби полицейский комиссар Фритц, закрывая пресс-конференцию в Далласе, заявил журналистам: «Итак, господа, дело закрыто». По существу это так и оказалось. Комиссия Уоррена пришла к выводам, которые в основе аналогичны выводам далласской полиции. Имеющиеся различия в деталях не меняют сходства в главном. Вот почему заключения, содержащиеся в этих выводах, не могут до конца рассеять сомнения, которые появляются после ознакомления с официальной версией убийства.

«Преступление века» и сегодня нельзя считать раскрытым. Рано или поздно истина будет установлена и притом не без помощи «немых свидетелей» этого трагического события.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Страницы из забытых дел	6
О чем рассказали «немые свидетели» преступлений	10
Ошибки, которых могло и не быть	22
Уловки преступников не помогли	25
Следы изобличили	28
Отпечатки пальцев — научное «удостоверение личности»	33
Кровь как улика	37
«Немые свидетели» преступлений в лабораториях ученых	45
Невидимые лучи — помощники правосудия	53
Фальсификация вещественных доказательств в органах бур- жуазного правосудия	67
Из летописи уголовных преступлений в капиталистических странах	72
Убийство Рекстон	—
Дело Гауптмана	75
Следы на черепе	78
Женщина-убийца	81
«Преступление века»	83

Крылов Иван Филиппович

«Немые свидетели» преступлений

Редактор *Г. П. Тихонова*

Техн. редактор *Е. Г. Учаева*

Корректоры *А. М. Сурпина* и *В. М. Николаева*

Сдано в набор 28 V 1965 г. М 50503. Подписано к печати 9 IX 1965 г.

Уч.-изд. л. 4,72. Печ. л. 6 (услов. л. 5,04). Бум. л. 3.

Формат бум. 84×108¹/₃₂.

Тираж 85 000 экз. (1-й завод). Заказ 1232. Цена 28 к.

Б. З. 1965 г. — № 27.

Отпечатано с набора типографии ЛОЛГУ. Ленинград, Университетская наб., 7/9 полиграфкомбинатом им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по печати, Минск, Красная, 23.